

Светлана Бестужева-Лада

СКАЗКИ ИЗ ЖИЗНИ

Светлана Бестужева-Лада

Сказки из жизни

«Издательские решения»

Бестужева-Лада С. И.

Сказки из жизни / С. И. Бестужева-Лада — «Издательские решения»,

Три житейские истории о женской любви с обычным началом, последующими неприятностями и неожиданно счастливым концом. Прекрасное чтение для вечернего отдыха.

© Бестужева-Лада С. И.
© Издательские решения

Содержание

Зеленоглазая фарфоровая кукла	6
Глава первая. Ассамблея	6
Глава вторая. Комната Синей Бороды	15
Глава третья. Карты польского короля	22
Глава четвертая. Неприручаемая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сказки из жизни

Светлана Бестужева-Лада

© Светлана Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Зеленоглазая фарфоровая кукла

Глава первая. Ассамблея

Зимнее солнце заливало ярким светом огромный зал, пол которого был выстлан редчайшим – черным – паркетом. Стены же, напротив, были в свое время отделаны тонкими пластинами мрамора почти белоснежного, но с легким розоватым оттенком, точно кожа молодой блондинки. И толпа людей, отнюдь не маленькая, все равно свободно разгуливала по этому экзотическому помещению, разглядывая выставленные на столах и полках предметы, переговариваясь друг с другом, потягивая белое вино из тонких, высоких бокалов, которое разносили молчаливые, почти незаметные официанты. Посмертная выставка скульптора-художницы Аделаиды Лодзиевской, считавшейся до последнего времени одной из первых красавиц московского «высшего общества».

«Мама была бы счастлива, – с легкой иронией подумал ее сын, Андрей, со стороны наблюдавший за „мероприятием“. – Все в высшей степени „комильфо“, мужчины исключительно в смокингах, а дамы – в вечерних платьях. Золото, платина, бриллианты, запах безумно дорогого парфюма, и не плебейское шампанское, а итальянское легкое вино. И все заняты исключительно ею – ее творчеством, ее судьбою, рассматриванием ее портрета. Да, матушка хотела бы именно такой памяти о себе. Что ж, она ее получила... Впрочем, она всегда получала именно то, что хотела...»

Гости действительно уделяли больше всего внимания портрету, на котором Аделаида – черноволосая и черноглазая, похожая скорее на итальянку, чем на русскую, – была изображена во всем блеске молодости и красоты. Впрочем, она и умерла год тому назад молодой и прекрасной. Те, кто не знал, сколько лет ей на самом деле, никогда не давали надменной красавице больше тридцати, хотя и понимали полную абсурдность такой оценки: Андрею, ее сыну, было уже около сорока, и он это не скрывал ни от кого, напротив, даже немного бравировал «преклонным возрастом».

«Мама могла бы прожить еще лет тридцать-сорок, – продолжал размышлять Андрей. – Зачем она так поступила? Впрочем, это ведь была не первая пластическая операция в ее жизни, кто же знал, что обыкновенная подтяжка лица закончится так плачевно? Занесли вирус гепатита – и абсолютно здоровая женщина сгорела буквально за месяц. А ведь как я ее просил, чуть ли не в ногах валялся: не нужно, не рискуй здоровьем, все и так прекрасно. Но она же всегда поступала по-своему... И вот уже год, как ее нет. Хорошо, что отец не дожил...»

Портрет отца Андрея висел на одной из боковых стен, причем случайно или намеренно был размещен так, что глаза мужчины были прикованы к изображению его молодой жены. Его вечно молодой жены.

Сам он скончался в семьдесят с небольшим, когда Аделаиде было за тридцать, но тогда она выглядела от силы на двадцать пять. А после смерти мужа и вовсе отказалась подчиняться влиянию времени: ни одной морщинки, ни одного седого волоса, изумительно стройная фигура...

Московские и заморские женихи отчаялись уговорить вторично выйти замуж красавицу-вдовушку, обладавшую, к тому же, немалым состоянием. Она предпочла оставаться одинокой и... стать знаменитой. Самое интересное – ей это удалось, хотя мало кто верил, что избалованная светская красавица овладеет мастерством изготовления оригинальной керамики, а вместо наивных акварелек станет создавать так называемые «живые картины» – основы с закрепленными на них различными, порой самыми неожиданными, предметами.

Первоначально ее творения имели успех лишь под влиянием магии имени знаменитого мужа, но потом стало считаться хорошим тоном иметь в своем доме хотя бы одну вещь «от Лодзиевской», хотя стоили эти вазы, скульптуры и панно очень и очень недешево. И хотя сам Андрей, например, ни за какие деньги не поместил бы в своей собственной комнате хоть что-то из этих изысканных произведений. Слишком уж изысканными они были. И слишком холодными. Точная копия своей создательницы...

Хотя... Одну вещь он все-таки оставил в своем кабинете, хотя сама художница любила ее меньше других. Это был большой, круглый металлический поднос с прикрепленными к нему в каком-то фантастическом порядке игральные карты. Почему Аделаида создала эту вещь, почему назвала ее «Судьба» – она и сама не знала. Создала – и засунула подальше, в чулан, где ее и отыскал Андрей лишь после смерти матери.

На этот великосветский вернисаж «Судьба» не попала: во-первых, она диссонировала со всеми остальными экспонатами, а во-вторых, все экспонаты можно было купить. Кроме портрета самой Аделаиды, разумеется. Поднос с картами висел над камином в кабинете – самым что ни на есть настоящим камином, который можно было растопить и часами любоваться причудливой игрой огня. После смерти отца этот кабинет стал излюбленным местом Андрея, он там даже спал на старинном сафьяновом диване, практически игнорируя все остальные комнаты в квартире.

«Почему я не люблю свою собственную комнату? – лениво думал Андрей. – Мама обставляла ее для меня с такой любовью, когда я подросток, и твердо решил продолжать дело отца. Настоящая мужская спальня, стильная, строгая и... холодная. В ней никогда не было по-настоящему уютно, кроме тех ночей, когда рядом была Жанна...»

Жанна... Как давно он ее не вспоминал – эту своенравную и нежную дикарку, «богемную девочку», как за глаза звала ее Аделаида, мгновенно невзлюбившая избранницу сына. О, конечно она этого никому и никогда не показывала, обращаясь с девушкой с такой изысканной вежливостью, словно та была принцессой крови. Но выглядело это злой насмешкой: мать умела делать такие вещи, как никто. Движением брови поставить на место зарвавшегося собеседника, взмахом ресниц установить дистанцию между собой и неприятным ей человеком. Королева мимики и жеста...

– О чем так глубоко задумались, юноша? – услышал он мужской голос. – Да еще в угол забились от людей подальше...

Андрей поднял глаза и увидел, что к нему подошел давний друг его отца и верный поклонник матери – Иван Иванович Демин, знаменитый своими мозаиками и фресками. Правда, знаменит он был только в кругу знатоков: правительственных заказов, в отличие от своего друга, не жаловал. В прежние времена жил тем, что расписывал стены клубов и Домов культур в глубинке – подальше от начальственного всевидящего ока. Теперь же ни один, спроектированный Андреем дом, не обходился без участия Ивана Ивановича.

«Маленькие шедевры», – ахали восхищенные заказчики, которые первоначально с большим скепсисом относились к идее цветных витражей в гостиной или мозаичного пола в холле. Но Андрей таких капризов не терпел и тут же предлагал заказчику поискать другого архитектора, с более тонким вкусом.

Охотников на это не находилось, и Иван Иванович процветал, хотя работал над каждым заказом долго, кропотливо и только собственноручно. Андрей подозревал, что практически все гонорары уходили на подношения его матери, но прямыми доказательствами не располагал.

– Да так, ни о чем, – улыбнулся Андрей в ответ. – Ни о чем и обо всем сразу. Например, о том, почему мама терпеть не могла свою лучшую работу и никогда больше ничего не делала в таком стиле.

– Ты это о чем? – удивился Иван Иванович. – Адочкины работы, царствие ей небесное, я все знаю, не хуже своих. О какой речь?

– О «Судьбе».

– Какой судьбе?

– Панно так называется – «Судьба». Мельхиоровый гладкий поднос, а на нем – карточный расклад. У меня в кабинете висит.

– Панно помню, вещь изысканная. Но никогда не думал, что это... Странно. Действительно, совсем не в ее стиле. Может быть, этот карточный расклад что-то обозначает?

– Не думаю, – покачал головой Андрей. – Мама всегда была абсолютно равнодушна ко всем этим гаданиям, ворожбе, волшебствам. Как и отец...

– Отец-то действительно был большим скептиком, но вот Адочка... Мне кажется, это было чисто внешне. Она ведь была верующей...

– Мама?!?

Иван Иванович грустно усмехнулся:

– Действительно, дети плохо знают своих родителей. При жизни твоего отца она, конечно, старалась его этим не раздражать, но когда овдовела... Впрочем, церковь посещала регулярно, и посты соблюдала, и исповедовалась.

– Откуда вы знаете?

– А оттуда, милый юноша, что я – ее крестный отец. Хотя взрослым людям можно, в принципе, и без крестных обходиться, но я сам отвез ее к одному своему знакомому батюшке, в подмосковном приходе. Там все и произошло, келейно, так сказать. Потом она уже сама к нему ездила. Последний раз просила благословить на операцию...

– И?

– И не получила благословения, – сухо сказал Иван Иванович. – Но все равно сделала по-своему, а вот почему впервые в жизни священника послушалась, так то даже мне неизвестно. Когда я был у нее в больнице последний раз, она говорила со мной из-за ширмы: не хотела, чтобы я ее больную видел. И сказала, что... Подожди, она сказала какую-то очень странную фразу, я даже переспросил...

– Вот ты где! – раздался звонкий женский голосок. – А я тебя по всему залу высматриваю. Что же ты гостей бросил?

Меньше всего сейчас Андрею хотелось общаться именно с обладательницей этого звонкого голоса. Лелечка, его последняя подружка, топ-модель, объект зависти всех знакомых мужчин. Роскошная русоволосая синеглазка, с ногами непомерной длины и эталонной фигурой.

Правда, главным ее достоинством в глазах Андрея было то, что девушка без напряжения могла молчать часами: полировать и без того безупречные ногти, задумчиво курить длинную сигарету, разглядывать любые картинки – хоть в энциклопедии, хоть в модных журналах. Она раздражала Андрея меньше всех остальных женщин, но... Но молчаливость компенсировалась почти полным отсутствием интеллекта: разговаривать Лелечка могла только на самые простые темы и разнообразием, равно как и обширностью, ее словарь не отличался.

– Я тебе нужен? – сухо спросил Андрей.

Надо же было ей вклиниться на самом интересном месте!

– Мне? Нет, зачем? Мы же никуда не едем сегодня, а в постель идти еще рано...

– Леля, мы не одни, – сквозь зубы прошипел Андрей.

– А что такого я сказала? Мы же в основном в постели...

– Леля!!!

Интонации девушка понимала гораздо лучше, чем слова. Нисколько не обидевшись, она кончиками пальцев послала Андрею воздушный поцелуй и удалилась своей фирменной походкой. Андрей с нетерпением обернулся к Ивану Ивановичу, но того уже ангажировал какой-то длинноволосый то ли кинокритик, то ли искусствовед, и, судя по всему, прерывать начатую беседу собирался не скоро.

Андрей сделал маленький глоток вина из бокала и чуть заметно поморщился. Очень изысканно, конечно, но лично он предпочитает что-нибудь посолиднее. Глоток бренди, например. Или рюмочку хорошего марочного коньяка. Но матушка давно вбила ему в голову, что на светских мероприятиях немыслимо подавать крепкие напитки, иначе неизбежно скатишься до уровня богемы. А мы, Лодзиевские...

«А мы, Лодзиевские, таких голубых кровей, что можно подумать – прямиком от Габсбургов или Бурбонов происходим. Впрочем, в дальних родственниках у отца, кажется, числились и Понятовские, и Бранницкие. Но только что числились, да и намекала на это, в основном мама, отец помалкивал. Чудо, что с такой родословной он уцелел в нашей сумасшедшей стране. И еще большее чудо, что в этой стране он жил так, как если бы являлся подданным какой-нибудь европейской страны...»

Действительно, сколько Андрей себя помнил, в доме всегда было полно прислуги. Домработницы, как таковой, не было, зато были домоправительница, горничная, кухарка и шофер, а также приходящие полотеры, мойщики окон, приглашаемые на вечер официанты и повара.

У маленького Андрюши была няня, потом ее сменила гувернантка-немка. Английскому и французскому мальчика тоже обучали дома, по какой-то особой методике, а итальянским – профессиональному языку архитекторов – сам отец, находя для этого несколько часов в неделю, как бы он ни был занят.

«Вот и получилась династия, где я – зодчий чуть ли не в пятом поколении. И, наверное, последний отпрыск старинного рода: на мне он благополучно и прервется».

Сначала Ада отвергала всех потенциальных невест, предъявляя к будущей снохе и матери своих внуков совершенно немыслимые по современным меркам требования, потом сам Андрей привык к беззаботной холостяцкой жизни и уже сам пресекал попытки матери сосватать ему ту или иную «подходящую девушку».

Со всеми этими девушками, обладавшими безупречными манерами, тонким вкусом и, разумеется, прекрасным образованием, ему было нестерпимо скучно. А уж лечь с такой в постель – все равно, что положить на супружеское ложе прекрасную говорящую куклу, которая никогда не допустит никакого промаха, будет говорить только то, что следует говорить, и делать то, чего от нее хотят. Потому что своего «я» при такой свекрови, как Аделаида, ни у кого быть не могло по определению. Даже при жизни отца домашние проблемы решались исключительно хозяйкой.

А уж когда она овдовела... Фраза: «Мы, Лодзиевские» звучала в их доме не реже трех раз в неделю. Собственно говоря, Лодзиевским-то был отец Андрея, тоже Андрей, только Антонович, известнейший советский архитектор. Судьба словно ворожила ему: в самые трудные времена он, чистокровный поляк, аристократ, никогда этого не скрывавший, равно как и не желавший вступать в партию, был обласкан всеми властями, с которыми ему довелось работать.

Андрей Антонович, тогда еще – Анджей, родился в начале века в Варшаве, но перед самым началом Первой мировой войны родители надумали перебраться в Россию. Им казалось, что там их состояние и их единственный сын и наследник будут в большей безопасности, нежели в Польше, по которой любая европейская война проходила безжалостным катком. Четырехлетним ребенком Анджей оказался в Москве, и этот «варварский» город, с его «сорока сороками» пестрых церквей и лабиринтом узеньких переулков показался ему какой-то очередной сказкой.

Но через несколько лет сказка превратилась в кошмар. Обстреливали Кремль, по улицам ходили страшные бородатые люди в солдатских шинелях и матросских бушлатах, прислуга разбежалась, роскошная барская квартира на Остоженке то и дело подвергалась нашествиям каких-то ревизий и комиссий. Правда, в Польше, по слухам, было еще хуже. Решили кружным путем добираться до Франции, где осталась богатая и влиятельная родня, но тут свалилась новая напасть: тиф.

Мать Анджея, ослабевшая от всех испытаний и переживаний, умерла всего через три дня, почти сразу впад в беспамятство. Ей, признанной польской красавице, которой не исполнилось еще и тридцати лет, и в голову не приходило, что жизнь может быть такой жестокой, грязной и холодной.

В шестнадцать лет она, Юзефа Понятовская, богатая невеста, встретила не слишком родовитого, но уже знаменитого и состоятельного архитектора – Анатоля Лодзиевского, и через несколько месяцев, сломив сопротивление сановной родни, вышла замуж. Вопреки всем предсказаниям, брак был очень счастливый, но наступившее время не благоприятствовало семейному благополучию...

Где похоронили мать, Анджей не знал – сам был в беспамятстве, как и его отец. Но обоим каким-то чудом удалось выздороветь и даже добраться до Киева, где вот-вот должна была начаться нормальная жизнь. Но она все не начиналась и не начиналась, а потом главным стало – найти средства к существованию, поскольку Франция с ее банком, где хранилась большая часть состояния Лодзиевских, все еще была недостижима.

А потом... потом Лодзиевскому-старшему расхотелось рисковать жизнью, ради призрачной возможности снова стать богатым аристократом, и он тихонечко стал устраиваться в немного похожем на Варшаву городе, благо поляков там было предостаточно. Нашлись заказчики, появилась мастерская, сын пошел в школу, где получал хоть и бесплатное, но сравнительно неплохое образование. Остальному он обучал его сам, а в начале тридцатых отправил в Москву, получать уже высшее образование, поскольку юноша явно был более чем талантлив.

В следующий раз Андрей увидел отца лишь тогда, когда приехал на его похороны. Сердце старого аристократа не выдержало одиночества, бессмысленных требований всевозможных начальников, начала чего-то непонятного, темного и страшного, надвигавшегося на страну. Оказалось, что быть дворянином – смертельно опасно. А еще оказалось, что своей смертью Анатолий Лодзиевский избавил сына от клейма «сына ссыльного». Против этого был бы бессилен любой талант.

Зато, похоронив отца, Андрей с чистой совестью писал во всевозможных анкетах о том, что он – круглый сирота, что родители скончались не в эмиграции или в ссылке, а где положено, и что родственников у него вообще не имеется – ни близких, ни дальних. И даже о том, что родился в Варшаве, не упоминал: сделал местом своего рождения Москву. И та в долгу не осталась.

Когда в середине тридцатых годов студент последнего курса архитектурного института получил первое место на конкурсе проекта дворца культуры для одного из московских районов, никто и представить себе не мог, что этот проект случайно попадет на глаза самому главному человеку в стране. И что проект этот будет абсолютно соответствовать его собственному вкусу, хотя он мало что смыслил в архитектуре. Но это случилось – и молодой архитектор начал делать совершенно фантастическую карьеру, став тем самым исключением, которое подтверждало общее правило.

Андрей Анатольевич был лауреатом всех мыслимых премий и кавалером многочисленных орденов, его проекты неизменно завоевывали первые места и золотые медали на всевозможных конкурсах, столица была (и по сей день) обязана ему несколькими десятками монументальных сооружений, спроектированных, кстати, с отменным вкусом, и посему оказавшимися как бы вне эпох и модных архитектурных течений. На зданиях, спроектированных в мастерской Лодзиевского, стояла как бы незримая печать избранности, элитности, что особенно почиталось номенклатурой во все времена.

И в личной жизни все складывалось превосходно: в тридцать лет Андрей женился на красавице-украинке, жившей с ним в Киеве по соседству. Когда он уезжал учиться в Москву, он оставил голенастого, невзрачного подростка, о будущей привлекательности которого говорили только огромные черные глаза с длинными ресницами. А через десять лет, оказавшись в Киеве

по служебным делам, Андрей Анатольевич забрел к бывшему своему дому и навстречу ему выбежала...

В общем, Марина всегда любила своего соседа, так что предложение руки и сердца приняла с восторгом. Сыграли свадьбу, молодые уехали в Москву, а через год с небольшим Марина, беременная своим первенцем, уехала рожать к маме с папой, чтобы не отвлекать вечно занятого мужа от важной работы. Ребенок должен был родиться в начале августа, в середине июня Марина Лодзиевская в одноместном купе международного вагона отправилась в Киев. Точнее, 16 июня 1941 года...

Возможно, это покажется странным, но Андрей Анатольевич практически не пытался выяснить дальнейшую судьбу своей супруги и ребенка. Он считал, что жена предала его, бросила, не посчиталась с тем, что оставляет в этом мире совершенно одного. К тому же ее родители – когда-то довольно зажиточные крымские помещики, а потом – просто скромные служащие, явно должны были обрадоваться избавлению от ненавистных «Советов и декретов».

Впоследствии, когда Киев освободили, и Андрей Анатольевич уже после войны попал туда, то обнаружил, что был, в общем-то, прав. Новые жильцы кое-что поведали о судьбе его бывших родственников. Они знали, что пожилая супружеская чета с дочерью и младенцем-внуком уехали в Крым, «в свое имение под Гурзуфом». Там следы терялись навсегда: искать каких-то Гайченко Андрей Анатольевич не собирался, а если ребенок выжил и носит их фамилию, а не его... Значит, так судьба сложилась.

Марина так недолго пробыла в Москве, так быстро забеременела и вследствие этого так мало где бывала, что никто из окружения Андрей Анатольевич ее практически не запомнил. В глазах общественности он по-прежнему оставался холостяком и даже завидным женихом: не многие достигают такого положения, какого достиг он, к тридцати годам с небольшим.

Не говоря уже о полученной сразу после войны квартире – роскошной, барской квартире на любимой с детства Остоженке, по соседству с жильем его детства. От новостроек на улице Горького и в прочих престижных тогда местах Андрей Анатольевич отказался наотрез: слишком много «новой элиты» там собралось. А он терпеть не мог эту самую новую элиту, он и прежнюю-то с трудом переносил.

А в этой, расположенной на последнем этаже четырехэтажного «доходного дома», обустроивался с удовольствием, вкусом и комфортом. Больше всего внимания уделил, конечно, кабинету, но были и гостиная, и столовая, и спальня, и мастерская, и еще две комнаты, четкого определения функций которых не было, но одна из которых иногда служила гостевой спальней, а иногда – дополнительной гостиной, благо спроектирована квартира была с умом и небольшую перепланировку путем открытия одних дверей и закрывания других можно было обеспечить легко и просто. Вторая же всегда стояла наглухо закрытой.

Далеко не красавец, хотя и обладавший определенным чисто мужским шармом, темно-волосый, с яркими синими глазами, Андрей Анатольевич практически до пятидесяти с лишним лет вел жизнь то плейбоя, то отшельника, в зависимости от собственного настроения и количества заказов. Мог месяцами не вылезать из мастерской, а мог взять очередную любовницу и отправиться с ней на пару недель к морю.

Но от брачных сетей и ловушек уходил легко и непринужденно, поскольку был, в общем-то, однолюбом, и прекрасно видел разницу в отношениях с действительно любимой женщиной и женщиной, в которую всего лишь влюблен. На продолжении рода и, соответственно, династии архитекторов Лодзиевских он давно поставил крест, считая, что все когда-то заканчивается, и вообще – нельзя иметь все сразу.

И вдруг в его мастерской появилась новая сотрудница – только что окончившая школу лаборантка, которая не прошла по конкурсу в Суриковское училище и теперь хотела поступать в архитектурный, а до этого набраться какого-нибудь опыта. Девочке повезло – она попала лаборанткой в мастерскую к «самому Лодзиевскому», о котором ходили самые невероятные

слухи. Но то, что случилось с восемнадцатилетней девушкой, было совершенно невероятно и вообще подпадало под разряд чудес.

Андрей Анатольевич порой не без кокетства утверждал, что семейная жизнь губит творческого человека, как личность, и что его семья – это его работа. На ней и попался, когда на стол перед ним лег очередной, ждущий его подписи, чертеж, а держали его за уголки, как величайшую драгоценность, две маленькие, почти детские ручки.

Андрей Анатольевич поднял глаза, увидел юную девушку, почти ребенка, с черными большими глазами и гладко причесанными волосами цвета воронова крыла. Определенное сходство с Мариной, конечно, было, но Андрею Анатольевичу оно показалось абсолютным, и в Аду Васильеву он влюбился с первого взгляда, хотя между ними было больше сорока лет разницы в возрасте.

Красивая девочка – не более того. Отца нет, мать – машинистка в каком-то учреждении, живут вдвоем в коммуналке. Образование очень среднее... Но, по-видимому, наметанный глаз художника-архитектора помимо всего прочего разглядел в этом незамысловатом сооружении какие-то прекрасные контуры, совершенно незаметные для остальных.

В результате – буквально несколько дней стремительных ухаживаний и пышная свадьба, причем Ада, кажется, даже не совсем понимала, что на самом деле происходит. Андрея Антоновича она не любила, а откровенно боялась, представлений о взрослой жизни не имела никаких, даже не поцеловалась еще ни с кем ни разу. И вдруг проснулась не Адой-лаборанткой, а Аделаидой Александровной Лодзиевской, супругой знаменитого архитектора, только что утратившей невинность. Чего только на свете не бывает!

Обо всем этом Андрей, естественно, долгое время знать не знал. К тому времени, как он начал хоть что-то понимать, Аделаида уже была выдрессирована (именно выдрессирована, а не воспитана) хоть и обожающим ее, но строгим супругом до неузнаваемости.

Андрей Анатольевич вникал во все: и в манеру поведения за столом, и в манеру вести разговор, и в выбор подруг. Проще говоря, довольно успешно сыграл роль профессора Хиггинса, тем более успешно, что на самом деле любил свою супругу до беспамятства, только старался это по возможности не слишком демонстрировать.

Первое воспоминание Андрея: он лежит в своей кровати и, кажется, спит, но тут появляется немыслимая красавица в каком-то переливающимся платье и с блестящими камушками в ушах и на шее, наклоняется к нему, обдавая запахом чего-то неведомого и потому притягательного, и нежно целует в лоб.

После этого быстро входит няня, она же домоправительница Алевтина, которая, собственно, и нянчилась с ребенком круглые сутки и что-то негромко говорит красавице, после чего та поджимает губы и исчезает из детской. Исчезает, судя по всему, надолго, потому что в детских воспоминаниях о матери у Андрюши слишком много провалов и белых пятен.

Справедливости ради, нужно сказать, что отца Андрей вообще почти не видел: тот был слишком занят либо работой, либо – реже – светскими мероприятиями, на которых появлялся исключительно с супругой. Но сына по-своему любил, детскую спланировал сам, учитывая все современные пожелания медицины и дизайна, и даже собственноручно чертил эскизы кубиков и конструкторов, которыми впоследствии предстояло играть Андрюше. Естественно, будущему архитектору, ибо династия Лодзиевских – архитекторов в пяти поколениях – прерваться не могла ни при каких условиях.

Какие-то отношения у отца с сыном завязались лишь тогда, когда с мальчиком стало возможно разговаривать на «профессиональные» темы. Со свойственной ему пунктуальностью, Андрей Анатольевич каждое субботнее утро два часа отводил на прогулки с мальчиком по Москве, демонстрируя ему наиболее интересные здания и попутно объясняя, чем они хороши, а чем плохи. С молодых ногтей Андрюша четко усвоил истину: в Москве очень много

плохих домов, потому что у папы нет времени построить много хороших. А вот те, что строил папа...

Много позже уже совсем взрослый Андрей узнал, что папа строил не только то, что могли видеть все, хотели они этого или нет. Он проектировал и особняки для элиты, которых тогда было очень немного, но все отличались отменным вкусом и изысканностью. Иметь дом «от Лодзиевского» было так же престижно, как теперь – замок где-нибудь за рубежом.

Зато и влетало это заказчику в копеечку, о чем, конечно, компетентные люди знали, но молчали. В элитных особняках, по странному совпадению, селились не обыкновенные строители развитого социализма и даже не знаменитые ученые. Связываться с такой публикой негласно не рекомендовалось.

Сам же Лодзиевский уже после женитьбы и рождения ребенка получил разрешение переоборудовать последний, «технический» этаж дома, в котором проживал, в жилое помещение типа мансарды. Вот в этой-то мансарде и был сооружен зал для приемов со стеклянным потолком, мастерская самого Андрея Анатольевича, «малая гостиная», размером с хоккейное поле и парадная столовая тех же габаритов. Последние два помещения были под официальным патронажем хозяйки дома, но на самом деле роль ее и там была чисто декоративной. Просто украшение. Еще одна драгоценность из многочисленных сокровищ архитектора Лодзиевского.

Аделаида никогда близко не подходила к плите, понятия не имела, сколько стоят в магазине хлеб и молоко, не говоря уже о более серьезных продуктах, считала, что уборка в квартире происходит как-то сама по себе. После того, как на ее руке появилось обручальное кольцо, она очень быстро забыла о том, что существует общественный транспорт, районная поликлиника и еще какие-то бытовые учреждения.

Чуть менее быстро она забыла о том, что ее мать по-прежнему живет в предназначенном на снос доме на нищенскую зарплату. И не потому, что была злая или бессердечная, просто сама мать не слишком охотно посещала «волшебный замок», в который попала ее дочь. Зять, старше ее лет на двадцать пять, был с еще молодой тещей так подчеркнуто учтив, так безукоризненно вежлив, что от всего этого можно было свихнуться.

Чтобы этого не произошло, а также, чтобы совсем оторвать Аду от не слишком респектабельных корней, Андрей Анатольевич купил любимой теще добротный дом в ее родном провинциальном городишке и положил на счет в сберкассе солидную сумму денег. После чего отправил родственницу осваиваться на новое место жительства и напроць забыл о ее существовании. А у Адочки было слишком много других, куда более интересных занятий, чем вести активную переписку с матерью. Так все и заглохло само по себе.

Через несколько лет после рождения сына, окончательно убедившись в том, что так называемая «интимная жизнь» – это редкие и не очень приятные моменты в супружеской постели, слишком гордая и высокомерная, чтобы унизиться до адюльтера, Аделаида, ставшая к этому времени настоящей светской дамой и признанной московской красавицей, решила самовыражаться в творчестве. Не зря же в свое время пыталась поступить в Суриковское.

Но теперь все было иначе. Никто не говорил, что ее работам не хватает таланта и самобытности, наоборот, приглашенные любящим супругам преподаватели изо всех сил лелеяли и пестовали все-таки обнаруженную самобытность. Аделаида начала с акварели, вызывавших у ее мужа неподдельное умиление, но... Сама она понимала, что это – не ее, что акварели пишут все, и почти все – одинаково плохо. Нужно было найти что-то свое, особенное, чего никто не делал или хотя бы не делал так, как будет делать она.

От занятий традиционной живописью маслом сама Ада отказалась довольно быстро, кроме того, и потому, что узнала: талантливых художниц во всем мире можно пересчитать по пальцам (что странно, но верно), и быстро сообразила, что тут ей никак не преуспеть. К тому же краски пахли и пачкались, портили руки и тщательно сделанный маникюр, вызывали головную боль.

Какое-то время она занималась вышивкой. Это у нее получалось неплохо, даже иногда красиво, но казалось ей самой мешанством и банальностью. К тому же от нудного и кропотливого подсчета клеточек и крестиков тоже начинала болеть голова, техника глади требовала предельного внимания к тому, чтобы все стежки были абсолютно одинаковы по длине, а уж более сложная техника вообще выводила из терпения. Так что все ограничилось парой диванных подушек для кабинета мужа, да нагрудничками для Андрюши.

Себя в творчестве Ада нашла случайно и довольно поздно: Андрюша уже ходил в школу. Как-то в совершенно пустой вечер она зашла к сыну и обнаружила, что он выполняет домашнее задание: лепит из пластилина какого-то зверька. Скуки ради Ада составила сыну компанию, а поскольку думала совершенно о другом, то и вылепленная ею фигурка оказалась «не мышонком, не лягушкой, а неведомой зверюшкой» – каким-то крылатым львом или волком с крыльями. Но впечатление, несомненно, производило.

Кроме того, Ада обнаружила, что лепить – очень легко, и после двух-трех пробных сеансов уже совершенно спокойно создавала любую форму: от человеческой фигурки с соблюдением всех пропорций, до причудливой формы вазочки.

Когда о новом увлечении узнал супруг, то немедленно выписал из-за границы специальный материал для лепки и снабдил супругу довольно солидной библиотекой по технике создания «малых форм». Правда, супруга не посвятила этому жизнь, а рассматривала, в основном, как хобби, но время от времени не без удовольствия создавала какую-нибудь очередную безделушку...

– Прости, Андрюша, меня отвлекли от разговора с тобой, – услышал он рядом голос Ивана Ивановича. – На чем мы остановились?

– На том, что мама сказала странную фразу.

– Ах, да! Она сказала: «Наверное, я чего-то вовремя не узнала...»

– Действительно, странно. Как вы думаете, что она могла иметь в виду?

– Представления не имею. Да, кстати, я узнал, что здесь должна быть знаменитая мадам Дарси, ее творения все больше входят в моду. Красивая женщина, черт побери, а походка-то, походка... Королева! Что с тобой?

Бокал выпал из рук Андрея и с легким звоном разлетелся вдребезги на гладком мраморном полу.

Глава вторая. Комната Синей Бороды

Андрей проснулся, словно от толчка, и обвел глазами утопающую в полумраке комнату. Скоро рассвет, вон уже птицы начали распеваться. А на подушке рядом с его – милая, родная, черноволосая головка, длиннющие ресницы лежат на смуглых, чуть впавших щеках, дыхание чуть слышно. Когда она спит, то по-прежнему похожа на примерную маленькую девочку. На куклу из «запретной комнаты»...

Такой куклы Андрюша никогда не видел, хотя, естественно, к подобного рода игрушкам особо и не приглядывался. Но это было нечто. Даже не сказочная Кукла наследника Тутти, а что-то еще более прекрасное, заманчивое и изысканное. Ростом с годовалого ребенка, иссиня-черные волосы уложены тугими локонами по обе стороны смуглого, продолговатого, а не кукольно-круглого лица, розовые губки сложены в чуть ироничную гримаску.

Кукла появилась в спальне матери где-то спустя неделю после смерти отца. Это было тем более удивительно, что к подобному «мещанству» Аделаида всегда относилась с огромным презрением и всякие вазочки-статуэточки-салфеточки не жаловала, тем более в своей «святой святых» – спальне. А тут в кресле в углу, возле балконной двери, сидела эта то ли фарфоровая, то ли восковая красотка и глядела на окружающий мир из-под длинных ресниц хитрыми зелеными глазами. И одета была не по кукольному, а так, как одевались дамы времен Наполеона: прямое платье-хитон зеленого цвета и газовая накидка того же оттенка с золотой нитью.

– Это что за чудо в перьях? – изумился тогда Андрей, протягивая руку.

– Лучше не трогай, – спокойно отозвалась Ада, расчесывая у туалетного столика длинные, густые волосы. – Этой игрушке сто лет в обед, как она до сих пор уцелела, не понимаю.

– Это твоя кукла?

– Теперь моя, – немного загадочно ответила Ада. – Но вообще-то раньше была куклой твоей бабушки Юзефы. А может быть, и куклой ее бабушки, судя по платью.

– Сколько же ей лет?

– Думаю, не меньше ста пятидесяти. А то и побольше.

– И где она была раньше?

– В запертой комнате, – все так же спокойно сообщила ему мать.

Андрей был, мягко говоря, потрясен. Запертая комната не отпиралась никогда. Все разговоры на эту тему отец пресекал с невероятной жесткостью, где держал ключ – никому не было известно. И вдруг мама приносит в свою спальню вещь из этой «комнаты Синей Бороды» и говорит об этом так безмятежно, как если бы взяла вазочку из гостиной.

– А что там еще есть? – замирающим голосом спросил Андрей.

Ада пожала плечами.

– Ничего интересного. Допотопная кровать с подушками и кружевами, сундук с какой-то рухлядью, фотографии...

– Какие фотографии? – с возрастающим любопытством допытывался Андрей.

Ада закончила расчесывать волосы, скрутила их в тугий узел и сделала свою обычную прическу. Вопросы сына она как бы не расслышала, из чего следовало: повторять бессмысленно, все равно смолчит или переведет разговор на другую тему. Характер своей матушки двенадцатилетний Андрей уже знал достаточно хорошо.

Поэтому тоже замолчал и еще раз хорошенько рассмотрел куклу. Сейчас она понравилась ему еще больше, хотя он сам на себя сердился: не девчонка же, чтобы позариться на такую игрушку. Но уж больно обаятельна была эта гостья из дальнего прошлого, и так манили к себе хитрые зеленые глаза... Можно было понять Аду, польстившуюся на такую красоту. В ее детстве, кажется, вообще приличных игрушек не было. А если и были, то до фарфоровой красавицы им далеко.

Присмотревшись, Андрей, достойный сын своего отца-архитектора, понял, что дело еще в пропорциях, которые придал кукле неизвестный, давно покойный мастер. Ведь, как ни странно это звучит, кукла, которая выполнялась в строгом соответствии с закономерностями строения человеческого тела, выглядит дисгармонично. Ее руки кажутся слишком длинными, а ноги слишком короткими. Ладони и ступни слишком массивными. А обычные куклы и не задумываются, как подобие человека в плане пропорций.

Тут же была явно другая концепция. В фарфоровой незнакомке были каким-то непостижимым образом синтезированы пропорции, присущие детям и взрослым, удивительно точно найдена некая «золотая середина» их сочетания. Плюс маленькие хитрости: шея и ноги длиннее, чем у нормального человека, а руки, наоборот, короче. Крохотные ладошки выглядят совершенно естественно, а ножки, обутые в золоченые туфельки на круто изогнутом каблуке, могли бы принадлежать китаянке. В целом же складывалось впечатление абсолютной красоты и гармонии.

– А что случилось с бабушкой Юзефой? – самостоятельно перевел разговор на другую тему Андрей. – Папа никогда о ней не говорил.

– Она умерла от тифа, когда он был еще маленьким, младше, чем ты сейчас. А потом его отец уехал с ним в Киев, и там умер. Это все что я знаю, сын. Твой папа не баловал меня рассказами о своих предках.

– Но почему? – искренне изумился Андрей. – И почему ты почти никогда не говоришь о своих родителях? Получается, что мы – какие-то марсиане, что ли...

– Ты начитался научной фантастики, Андрюша, – мягко, но с уже заметными металлическими нотками в голосе ответила Ада. – Мы, Лодзиевские, гордимся собственными успехами, а не заслугами предков. Твой отец был безумно талантливым и самобытным человеком, ему совершенно не обязательно было еще и кичиться своей родословной. А я... Если тебе интересно, то своего отца я вообще не помню, он умер очень скоро после моего рождения, а мама, твоя бабушка Елена, как тебе известно, живехонька-здоровехонька, копается в своем саду и шлет нам варенье с компотами. Я должна об этом всем рассказывать?

– А почему она к нам никогда не приезжает? Даже на похоронах папы ее не было?

– Она плохо переносит дальнюю дорогу, – уклончиво ответила Ада.

Не рассказывать же мальчишке, что она плохо переносила и зятя? Или что его бабушка Елена смотрелась бы белой вороной среди избранной публики на Новодевичьем кладбище и в парадном зале Дома архитектора, где устроили поминки? Такая родня Лодзиевским чести не делает.

– Ты сегодня снова будешь дома? – поинтересовался Андрей.

Мать взглянула на него остро и немного прохладно:

– Я же тебе сказала, что в той комнате ничего интересного нет. Одна рухлядь. И вообще отец запрещал...

– Но папы же нет уже...

– И ты решил, что теперь все дозволено? Нет, милый мой, ничего подобного. Во-первых, я дома буду не только сегодня, но почти целый месяц. Нет у меня настроения с кем-нибудь встречаться. А во-вторых, я постараюсь сохранить все, как при папе. Только разберу все бумаги, наведу порядок...

Андрей, в очередной раз подивившись прозорливости матери, кивнул и отправился по своим делам, точнее, в свою комнату, к книгам, магнитофону и прочим занятиям. Он редко делал что-нибудь только потому, что это было запрещено, да и «старая рухлядь» его не больно манила. А кукла... Что ж, он ведь не девчонка, чтобы любоваться какой-то куклой, пусть и необычной.

По дороге к двери он мельком глянул на маленький столик возле кресла с торшером. Там лежала толстая, порядком потрепанная книга на каком-то иностранном языке. Буквы выцвели

от времени, да и слова были незнакомые, только одно и можно было разобрать – «порселен». По-французски, которым Андрей владел уже вполне прилично, это означало «фарфор», а этот предмет его вообще ни с какой стороны не интересовал.

Фарфором, в его понимании, были всевозможные сервизы, с которыми лучше было не связываться: один раз он случайно разбил какую-то салатницу, так у матери чуть сердечный приступ не случился. Салатница, оказывается, была какая-то размузейная, из сервиза чуть ли не времен императрицы Екатерины, и вообще... Спокойнее было пользоваться обычной, повседневной посудой: даже если и грохнешь какую-нибудь чашку или тарелку, никто слова не скажет.

Ада не сказала сыну, что все последнее время занималась не столько разборкой бумаг, сколько поиском завещания. Именно поэтому она и вскрыла запретную комнату, думая обнаружить там что-то для нее опасное и, если таковое действительно обнаружится, немедленно все уничтожить. Но тревога в этой части оказалась ложной: кроме нескольких выцветших фотографий, старомодных платьев и выдохшегося флакона дорогих духов, ничего, заслуживающего внимания, в комнате не оказалось. Если не считать старинного сундука...

Сундук оказался запертым, Аде пришлось довольно долго повозиться с хитроумным замком. Наконец ее усилия увенчались успехом, крышка откинулась, и с первого взгляда Ада поняла, что этот сундук, скорее всего принадлежал матери Андрея Антоновича, давным-давно покойной. Супруг редко и скупно рассказывал Аде о своих родителях, но ей удалось из этих отрывочных фрагментов составить относительно четкую картину.

Сверху сундука лежала эта самая кукла. А вмятинка рядом с ней указывала на то, что когда-то рядом лежала, видимо, вторая, такая же или из той же серии. Потом, разобрав сундук до доньшка, Ада убедилась, что вторая кукла действительно когда-то существовала: нашлось миниатюрное стразовое кольцо, точно такое, какое украшало шею первой фарфоровой красавицы.

Устоять перед искушением украсить этим произведением искусства свою комнату Ада не смогла. Но потом все-таки опомнилась, снова заперла дверь, и решила, что вернется туда позже, когда страсти, связанные с кончиной ее супруга, окончательно улягутся. Эта комната идеально подходила для того, чтобы устроить в ней мастерскую: давно бездействующий камин можно было легко трансформировать в небольшую печку для обжига керамики. А этим – изготовлением керамики – Ада Николаевна увлекалась все больше и больше.

Из того же сундука, кстати, она прихватила и старинную книгу о секретах изготовления фарфора. Мало того, что подобный раритет мог стоить целое состояние и в случае чего существенно облегчить жизнь молодой вдовы с ребенком. Если в ней найдется рецепт изготовления простых фарфоровых изделий, можно будет расширить сферу своей деятельности и заняться не просто керамикой, а керамикой высокохудожественной.

Даже Ада, не слишком жаловавшая теорию, знала, что по своим свойствам – белизне, просвечиваемости, твердости, богатству красок – фарфор значительно превосходил все известные европейцам керамические изделия. Фарфор ценился очень дорого и был предметом роскоши; иметь фарфоровые изделия мечтали короли, князья, герцоги и их придворные. Керамисты Франции и Англии, не находя разгадки «китайского секрета», создали поначалу свои разновидности фарфоровидной керамики – мягкий фриттовый фарфор и костяной фарфор. Так кто мешал ей, талантливой керамистке, создать собственный сорт этой драгоценности?

Но прежде, чем заниматься изящным искусством, необходимо было удостовериться, что она – единственная наследница всего того, что нажил и создал ее знаменитый муж, что не возникнет откуда-нибудь из Тьмутаракани неизвестная родня, седьмая вода на киселе, и не потребует своей законной доли. А сколько бы эта доля ни составила, все равно будет много... Лакомый кусок!

Лучше уж сейчас как следует поработать с адвокатами (все равно выйдет дешевле), потратить сколько угодно времени на то, чтобы разобрать абсолютно все бумаги покойного супруга и попутно обласкать всех тех, кто может сказать решающее слово в защиту интересов незащищенной вдовы. Возможно, конечно, она дует на воду, и ее предполагаемых сонаследников вообще не существует, но... Береженого, как говорится, Бог бережет.

Ада только казалась легкомысленной и поверхностной светской дамой, ничего не понимающей в конкретных житейских вопросах. Под этой очень удобной маской, которую всячески поощрял и даже культивировал ее супруг, скрывалась холодная, рассудительная и крайне практичная женщина.

Андрей Анатольевич мог про себя изумляться и восхищаться тому, что его юная красавица-супруга никогда не дает ему ни малейшего повода для ревности: Аду Николаевну плотские радости интересовали мало, комфорт был для нее куда важнее. Огромное уважение, которое она и публично, и келейно выражала к работе своего супруга и к нему самому, было почти искренним: эта работа обеспечивала ей такой образ жизни, который и присниться не мог подавляющему большинству ее сограждан. А скудное, чтобы не сказать – нищее детство, точнее, воспоминания о нем, отбивало всякую охоту затеять какую-нибудь авантюру или польститься на дорогой подарок, который мог впоследствии еще дороже обойтись ее супругу в моральном плане.

Короче говоря, в глазах общества, Ада Лодзиевская была безупречной женой и безупречной матерью, а постепенно становилась и талантливой художницей-керамисткой. При всей своей холодности и некоторой отстраненности от житейской суеты, она вовсе не собиралась прожить остаток жизни «вдовой знаменитости»: мешало бешеное, но тоже тщательно скрываемое тщеславие.

То же самое тщеславие мешало ей даже думать о вторичном замужестве. Мужчина, как таковой, был ей не нужен: темперамент позволял обходиться «без этих глупостей». Как уже говорилось, плотские радости ее мало волновали, никакого удовольствия от интимной стороны супружеских отношений она никогда не испытывала. Наоборот, когда в последние годы замужества она по ряду причин переехала в отдельную спальню, то испытала огромное облегчение.

В глазах же Андрея Анатольевича это выглядело еще одним плюсом, поскольку он искренне полагал, что холодность и некоторая заторможенность – неотъемлемая черта порядочных женщин, на которых, собственно, только и можно жениться, остальные годятся исключительно в любовницы и никакого уважения не заслуживают. Пропавшая без вести Марина слишком недолго была его женой и тоже была совершенно неопытна, так что поведение Ады в постели только подтверждало эту незамысловатую теорию: порядочные женщины фригидны, остальные – шлюхи.

Да и ради чего было вторично выходить замуж? Уже после смерти супруга Ада Николаевна приватизировала квартиру на себя и своего единственного сына (по мудрому совету адвоката, прекрасно разбиравшегося в хитросплетениях непрерывно меняющегося жилищного кодекса). Машина – обычная, респектабельная «Волга», молодую вдову вполне устраивала, тем более что водить ее она выучилась практически мгновенно и ездила чрезвычайно аккуратно. Престиж?

Престижем «жены знаменитого мужа» Ада была сыта по горло, и ей вовсе не хотелось подстраиваться под чьи-то привычки, пусть даже и за очень большие деньги. Деньги у нее и самой водились немалые, а потребности по сравнению с другими великосветскими дамами были очень скромными.

Бриллианты она не коллекционировала, специальную комнату под гардеробную не выделяла, менять что-либо в квартире с пусть тяжеловесным, но своеобразным шармом антиквариата не собиралась. Только оборудовала себе мастерскую в запретной когда-то комнате, да сохранила традицию «пятничных приемов», на которые можно было прийти без специального

приглашения и выпить чашечку чая с бисквитом. Основным «угощением» были беседы с интересными людьми, да мини-концерты каких-нибудь знаменитостей. Попасть на прием к Лодзиевским всегда считалось своего рода отличием, и Ада Николаевна сделала все от нее зависящее, чтобы так было и впредь.

Несколько месяцев кропотливого перебирания бумаг, наконец, принесли свои плоды. Завещания не было, но и сонаследников – тоже не обнаружилось. Подождали еще какое-то время – нет, никто на наследство покойного архитектора больше не претендовал. Так что все, согласно закону, получили вдова и сын.

И только тогда Ада Лодзиевская вздохнула с облегчением, пригласила несколько женщин, чтобы сделать генеральную уборку и вплотную приступила к реализации своих планов принципиально новой жизни. Больше она не боялась того, что на пороге возникнет некто и потребует свою долю. Больше она вообще ничего не боялась, кроме... неизбежной старости. Женское одиночество ее не страшило, а вот морщины, деформация фигуры и седые волосы были извечным кошмаром.

Существовал еще один маленький нюанс: как-то совершенно случайно, выходя из магазина на улицу, где ее ждала машина с шофером, Ада столкнулась с цыганкой, и та в считанные минуты значительно облегчила содержимое ее кошелька, посулив взамен «счастливую жизнь, исполнение всех желаний и отменное здоровье». Такой прогноз Аду, в принципе, устраивал, если бы цыганка напоследок не метнула через плечо:

– А умрешь ты через семь лет после того, как станешь бабушкой.

Вот это Аде уже не понравилось. Впрочем, если допустить, что ее единственный сын женится не слишком рано, а еще лучше – поздно, как и его отец, то времени впереди было вполне достаточно. Но если цыганка имела в виду не семейное положение, а приметы возраста? Но тогда она должна была сказать – «старухой».

Впрочем, старухами становятся и в тридцать, и в сорок. Или... никогда не становятся, умирают молодыми. Значит, нужно было любыми средствами оставаться молодой и прекрасной как можно дольше, чего бы это ни стоило. А заодно приглядывать за сыночком, чтобы не вздумал ее сделать бабушкой лет эдак в тридцать восемь. Просто на всякий случай, чтобы исключить двусмысленность гадания.

Единственного сына Ада любила, конечно, но отнюдь не до беспамятства, как это бывает у рано овдовевших женщин. Заботилась о нем, безусловно, отменно, свято помня, чьего сына воспитывает. У Андрея лет до четырнадцати была бонна, в совершенстве обучившая его говорить по-английски и по-французски, мальчик учился в единственной на всю Москву школе с углубленным изучением итальянского языка, рисованию и музыке его обучали специально приходившие на дом педагоги.

Чтобы ребенок от такой жизни не впал в депрессию, Ада взяла за правило два раза в неделю заниматься вместе с ним плаванием, благо бассейн «Чайка» был в двух шагах от дома, а еще два раза в неделю – верховой ездой. Друзей-приятелей не отваживала, но особо и не призывала, умея после ухода очередного парнишки найти удивительно меткие и едкие слова для его определения, так, что Андрею действительно становилось неудобно дружить с такой посредственностью. Он-то был – необыкновенный. О чем, помимо матери, ему неустанно твердили все окружающие: кто искренне, кто нет, но Андрюша по юности еще не мог различать такие нюансы.

Только удивительно мягкий характер и какая-то врожденная самоирония не позволили ему превратиться в законченного сноба и эгоиста. И та же самоирония заставляла скептически относиться к тому, что большинство девочек в школе «сохли» по красивому brunet с пронзительными синими глазами. Прозвище «Ален Делон» он получил классе в седьмом, и какое-то время тайно им гордился, но потом прочел во французском журнале статью о личной жизни этого актера, ужаснулся, и навсегда отмежевался от этого прозвища.

Статья называлась «Ледяная грудь» и действительно производила жутковатое впечатление:

«Если кто-то из знакомых нам мужчин не может однозначно претендовать на звание красавца, мы привычно говорим: «Ну, он, конечно, не Ален Делон...»

«Самым страшным воспоминанием детства были унылые будни в доме чужих людей, куда меня отдали на воспитание родители после развода. В пятидесяти метрах от дома находился тюремный двор, где я проводил все свободное время. Однажды я видел, как охранники вели на казнь человека. Его привязали к стулу и волокли по острым камням мостовой. Нока заключенного цеплялась за острые бугры, рвалась и кровоточила...»

«Я был очень одиноким в этой семье, никому не нужным и отвергнутым. Родители устроили свои новые жизни, у них родились другие дети, я везде был некстати. В восемь лет меня пытались пристроить в пансион, но быстро выгнали оттуда за хулиганство, Я был лишен любви и потому глубоко несчастен. Избавиться от этой боли я не могу до сих пор».

Потом мать все-таки забрала своего сына к себе, В семье отчима его ждали «почетные» обязанности подручного мясника. Сорок с лишним лет спустя блистательный Ален Делон по-прежнему считает это занятие своей основной профессией:

«Я великолепно разделяваю туши. В юности работал в мясной лавке отчима: домашний скот убивали прямо в доме – какая жуткая игра слов! Я сумел привыкнуть к душераздирающим картинам агонии зверей, у меня уже не дрожали руки, когда приходилось перерезать горло теленку или свинье, я сцеживал горячую кровь в котлы, как виртуоз: ни одна капля у меня не пропадала. Но я до сих пор слышу во сне предсмертные хрипы и жуткий вой обреченных на смерть бессловесных тварей. Возможно, я так люблю собак потому, что пытаюсь хоть как-то реабилитироваться перед теми, убитыми мною животными...»

Из лавки мясника Ален Делон угодил... в «мясорубку». Восемнадцатилетнего юношу забрали в армию и отправили в Индокитай: Франция пыталась сохранить колониальное господство во Вьетнаме. Перед фронтовыми воспоминаниями меркнут и зрелище приговоренного к смерти человека, и обыкновенная бойня среди хрюшек и буренок.

«На войне перед атакой мы выпивали для бесстрашия. Хотелось отключить мозги от ожидания смерти. Как-то вьетнамцы принялись обстреливать наш взвод, состоявший из сорока человек. Все мы, полупьяные и перепуганные, лязгали зубами – то ли от холода, то ли от ужаса. Этот кошмарный звук, издаваемый молодыми, крепкими парнями, затих только тогда, когда нас накрыл артиллерийский снаряд. Я чудом остался в живых, но не могу забыть эту „канонаду“ по сей день».

По иронии судьбы, темпераментного красавца, ставшего звездой первой величины, режиссеры обрекли на... постоянное воплощение на экране корыстных и холодных самцов с мертвым сердцем и ледяной душой, для которых не существует никаких человеческих чувств. Да, он избежал опасности стать слащавым красавчиком и вечным героем-любовником, но по прошествии лет, похоже, практически слился со своими героями по характеру.

В неизменном белом плаще и с неизменно надменным видом герой Алена Делона – вне зависимости от фильма – оставлял за собой гору трупов и десятки обманутых и брошенных женщин. Несколько попыток сменить имидж завершились полным крахом: публика не желала видеть своего кумира в роли жертвы или обманутого любовника. Корона Делона все больше напоминала терновый венец, снять который у него не было ни сил, ни... желания.

Любимый чуть ли не всеми женщинами мира, он сам так и не смог найти счастья в любви: женщины покидали его, замученные невозможным характером идола, его ледяной ревностью в сочетании с ледяной же приязнью и его патологической тягой к абсолютной свободе... пусть даже и в рамках брачного союза.

Последние откровения Алена Делона вызывают озноб даже у отпетых циников: столько в них, откровениях, горечи, неустроенности и неизгладимых следов былых переживаний:

«Человек рождается одиноким, живет одиноким и умирает одиноким. Я сражался с превратностями судьбы, будучи абсолютно один. Для меня состояние одиночества было второй натурой, почти что естественным. Думаю, что печать одиночества ставится на нас еще в детстве рукой судьбы – как татуировка. И мы живем с этой отметкой, будучи не в состоянии от нее избавиться. Но есть в этом что-то благородное, гордое и сильное – если не смириться с этим, а принимать, как данное...

Я четко понял это тогда, когда стал присматриваться к моим собакам. Я их развожу более тридцати лет. Они для меня – как дети. Это – единственные существа на земле, которые никогда не предавали меня. Я хотел бы умереть в окружении моих собак, поэтому распорядился в завещании, чтобы меня похоронили с ними во дворе моего дома».

Когда человек завещает похоронить себя с собаками, его становится пронзительно жаль...»

Андрей снова взглянул на спящую смуглую красавицу. Нет, ему повезло больше, чем кумиру миллионов. Хотя и он с детства был отмечен этой самой «печатью одиночества», он сумел с этим справиться, сумел приспособиться к жизни и даже многого в ней добиться. Во всяком случае, мать им явно гордилась.

Только он всегда помнил, как она однажды сказала ему: «Я умру, когда семь лет буду бабушкой». Наверное, потому и не женился до сих пор, и в отношениях с женщинами всегда был предельно осторожен, поскольку знал: в случае чего, придется жениться, как бесспорно честному человеку. А этого он искренне боялся. Слишком сильное впечатление произвела на него тогда эта фраза.

Но теперь... Теперь все еще может измениться к лучшему, особенно после чудесного возвращения Жанны. Точнее – благодаря этому возвращению.

Глава третья. Карты польского короля

– К счастью, – философски заметил Иван Иванович, глядя на осколки бокала. – Только вот к какому? Не понимаю, что ты так разнервничался, Андрюша?

– Я? – откровенно фальшиво удивился Андрей. – Я спокоен, как горное озеро. Просто так неожиданно: знаменитая мадам Дарси – здесь. Зачем? С кем?

– Вот этого я, прости, не знаю, – развел руками Иван Иванович. – Наверное, по делам приехала. И кого-то мне сильно напоминает, а кого – не пойму.

– В каком смысле? – тупо спросил Андрей.

– Посмотри сам, – усмехнулся краешком губ Иван Иванович и отошел в сторонку.

Открыл, то есть, простор для оперативного обзора. И на этом «просторе», то есть среди достаточно большого количества вечерних платьев, смокингов, блеска драгоценностей и замысловатых причесок всех цветов Андрей увидел... точную копию куклы из маминой спальни. По мраморному полу к нему скользила невысокая, стройная женщина в зеленом платье-тунике, золотых туфельках на крутых каблучках и в прическе с крутыми локонами вокруг гладкого пробора, разделявшего иссиня-черные волосы.

«Этого не может быть, – отрешенно подумал Андрей, не отрывая глаз от прекрасного видения. – Это – Жанна? Эта та самая смуглая, вихрастая девчонка с глазищами, как темные вишни, которую я когда-то полюбил? И которую потерял навсегда из-за собственной дурости и матушкиного гонора. Господи, да она не только на куклу, она и на маменьку чем-то похожа: та же осанка, та же царственная посадка головы, та же скользкая походка... Богородица, пресвятая дева, помилуй меня, грешного! Избави от наваждения и спаси от лукавого...»

Но «наваждение» уже приблизилось вплотную. На Андрея пахнуло горьковатым запахом каких-то незнакомых ему духов и до боли знакомый голос произнес:

– Здравствуй.

Нет, этот голос мог принадлежать только одной-единственной на всем свете. Грудной, бархатистый, он словно замирал в конце фразы, и в то же время продолжал звучать где-то в воздухе, как глубокий вздох.

– Здравствуй, Жанна, – преодолев оцепенение, ответил Андрей. – Какими судьбами?

– Предсказанными, – улыбнулась Жанна и положила тонкую, смуглую руку без колец на рукав его смокинга. – Ты не рад меня видеть? Просто как старинную приятельницу...

– Я рад, – ответил Андрей. – Я рад, что ты нашлась. Восемь лет дня не проходило, чтобы я о тебе не вспоминал...

– Неужели? Впрочем, сейчас я хотела бы... Я хочу сказать тебе, что мне очень жаль. Я сочувствую твоей утрате. Вы с матерью были так близки...

«Слишком близки, – неожиданно сердито подумал Андрей. – Я привык каждый шаг делать с оглядкой на то, что скажет по этому поводу моя драгоценная маменька, как она к этому отнесется, не оскорблю ли я тем или иным своим поступком ее утонченное мироощущение... Бедняжка Жанна! Сколько она натерпелась в этом доме. Немудрено, что сбежала, даже не попрощавшись, даже записки не оставила. А я, дурак, трижды кретин, слишком поздно стал ее искать, гордость помешала, да и, если честно, побоялся маменькиных насмешек...»

– О чем ты задумался, Андрюша? – услышал он ее голос. – У тебя вдруг стало такое сердитое лицо...

– Я рассердился на себя, – просто ответил Андрей. – Прости меня, Жанночка, тогда я вел себя отвратительно. Не по мужски...

– Ты просто многого не знал, – мягко поправила его Жанна. – А главное, Ада Николаевна не желала делить тебя ни с кем. С любой другой она повела бы себя в точности так же. Нас обоих обманули, обманули жестоко и цинично, но ни ты, ни я, в этом не повинны.

Да, Жанна была права, как всегда права. Он встретил ее, тогда восемнадцатилетнюю девчонку в потертых джинсах и застиранной футболке во дворе Института архитектуры, где читал курс лекций. Точнее, не встретил, а столкнулся с ней в тесном дворе у круглого фонтана. Извинился, поднял глаза и... обмер. Удар молнии – иначе не скажешь.

– Простите, – еще раз повторил он, уже не отрывая от нее глаз, – я вас чуть было не раздавил.

– У вас был такой отстраненный вид, – лукаво усмехнулась девчонка. – Будто вы видите перед собой полное блюдо мороженого...

– Ну, любовь к мороженому осталась в далеком прошлом, – улыбнулся в ответ Андрей. – Сейчас я чаще думаю совсем о других вещах.

– Каких?

– Долго рассказывать.

– А я не тороплюсь, – с очаровательной непосредственностью заявила девчонка. – Если уж я с вами столкнулась...

Она покраснела и прикусила губу.

– То что тогда? – с улыбкой подначил он ее.

– Тогда это – судьба, – выпалила она.

– Послушайте, судьба, вам восемнадцать лет уже исполнилось? – поинтересовался Андрей.

– А какое это имеет значение?

– Вы не отвечайте вопросом. Я спросил и жду внятного ответа.

– Сразу видно – преподаватель!

– Вот именно. Так сколько вам лет и как вас зовут?

– Меня зовут Жанна. Жанна Смирнова. А восемнадцать лет мне будет через три месяца.

Группу крови назвать?

Андрей расхохотался.

– Ну вот что, Жанна Смирнова. У меня есть пара часов свободного времени. Хотите, пройдемся по значным местам?

У девчонки глаза загорелись, как два маленьких прожектора.

– Значным? Это... в ресторан?

– Ну... примерно. В ресторане мы могли бы потом отметить ваше совершеннолетие. А сегодня я просто хочу компенсировать вам легкое телесное повреждение.

– Какое? – обалдела Жанна.

– Ну, на ногу я вам наступил, правда? А это больно.

– Ни капельки!

– Значит, никуда не идем?

Ему почему-то нравилось поддразнивать эту смешную смуглянку, как будто он играл с маленьким черным котенком. Весело – и совершенно невинно. Вот и сейчас он с трудом сдержал смех, увидев, как вытянулось от разочарования хорошенькое личико, а на глаза-вишни мгновенно навернулись слезы. Господи, совсем ребенок!

– Нехорошо обманывать старших, – назидательно произнес Андрей, беря ее за руку. – Вы почти плачете, а говорите, что вам ни капельки не больно. Так пойдем?

Слезы мгновенно высохли, словно роса на солнце. Жанна кивнула и крепко вцепилась в руку Андрея, как будто боялась, что он снова передумает, и никаких приключений сегодня не будет. Больше она не спрашивала, куда он собирается ее вести: шла рядом с ним, словно это была их обычная ежедневная прогулка.

Андрей и сам не понимал, с чего это вдруг он связался с этой пигалицей. Его нынешняя подруга – молодая, красивая женщина, очень даже неглупая, и замужняя, устраивала во всех отношениях не только его, но и дорогую мамочку, которая к сердечным увлечениям сына отно-

силась с особым, каким-то болезненным интересом. И как раньше, не отказывала себе в удовольствии двумя-тремя едкими и меткими фразами напрочь убить любое очарование. Тягаться с ней было невыносимо.

Зачем она это делает – Андрей и понимал, и не понимал. Он давно закончил институт, даже успел защитить кандидатскую диссертацию, хотя по нынешним смутным временам проще было купить себе звание хоть доктора, хоть академика. Смены режима в стране они с матерью в общем-то и не заметили: хозяйством все равно занималась прислуга, а деньги с многочисленных сберкнижек практичная Ада Николаевна сняла и обратила в твердую валюту еще тогда, когда об этом никто и не помышлял. Слава Богу, сановные поклонники подсутились.

Фактически, все многочисленные реформы и дефолты их семью совершенно не затронули. Ада работала: те два-три произведения в месяц, которые выходили из ее мастерской, покупались практически мгновенно и по бешеным ценам, хотя на вкус Андрея все это было холодно и вычурно. Но... о вкусах, как известно, не спорят.

Да и сам он зарабатывал, мягко говоря, неплохо. Проект дома «от Лодзиевского» стоил раз в три дороже любого другого проекта, но того стоил. Если клиент заказывал себе виллу или загородный особняк в его мастерской, то мог быть уверен: второго такого же в России нет, не было и не будет, да к тому же дом будет идеально подогнан под личность самого хозяина или уклад его семьи.

В общем, заказчики записывались в очередь, а Андрей, как когда-то его отец, сутками не вылезал из своего кабинета и неделями пропадал в мастерской, успевая еще читать лекции в архитектурном, писать небольшие статьи в специальных журналах и работать над книгой об особенностях российского загородного дома – с девятнадцатого века и по настоящее время. Временами уезжал в Испанию или на Корсику с очередной подружкой, изредка сопровождал матушку на великосветские мероприятия. В общем, на насыщенность жизни жаловаться ему было просто грех.

И вот – извольте радоваться: вместо того, чтобы использовать нечаянно образовавшееся свободное время для приятного досуга в обществе подружки Нелли, или просто расслабиться в тишине и покое собственного дома под любимую музыку и с любимым напитком, он ведет совершенно незнакомую малолетку в «злачное место». То, что роль такого места сегодня должно было изображать кафе-мороженое «Космос», особого значения не имело: мороженое он, грешным делом, и сам любил. Но вот выбор спутницы...

– Вы на каком курсе учитесь, Жанна?

– На первом. Я не сразу после школы поступила, год работала.

– Лаборанткой?

– Ага!

– Не «ага», а «да», – машинально поправил Андрей, совершенно не переносивший простонародной речи.

Матушка постаралась, привила аристократические замашки. Как же с ними было трудно в институте общаться на равных с однокурсниками! Ничего, обошлось. Друзей близких, правда, не осталось, но это у него – отцовское, тот тоже вроде рака-отшельника был. Море приятелей – и ни одного настоящего друга.

– Да, – послушно повторила Жанна. – Мне одного балла не хватило.

– Легко учиться?

– Смотря чему.

– То есть?

– Ну, рисунок, черчение, все такое – это легко. А с теорией иногда трудно, не все понимаю.

– Хотите, буду давать вам частные уроки?

Да что с ним такое, в самом деле? Профессор без пяти минут, доктор наук без трех, лауреат двух международных премий собирается давать уроки теории сопливой первокурснице? Никогда он никому уроков не давал...

– Правда? – недоверчиво спросила Жанна.

– Если хотите.

– У нас с мамой денег почти нет...

– Кто говорит о деньгах?

– А разве бесплатные уроки бывают?

Наивная дуручка или...? Ну, и как теперь выпутываться из этой ситуации? И что делать, если ему не хочется просто отпускать эту забавную девчонку? Пока не хочется...

– Поговорим об этом попозже, мы уже пришли.

– В злачное место? – с восторженным ужасом спросила Жанна.

– Почти, – усмехнулся Андрей.

Роскошный швейцар, он же охранник, судя по мощному телосложению, покосился на странную парочку, но ничего не сказал: вышколен отменно. Хотя Андрей с Жанной смотрелись действительно оригинально: он в легком светлом итальянском костюме, в немыслимой цены мокалинах ручной итальянской же работы, а она... Не отличишь от сотен и тысяч девчонок по всей России: джинсики и футболка плюс кроссовки отечественной выделки.

Они поднялись на второй этаж, заняли столик на двоих в углу, хотя кроме них в кафе еще почти никого не было, и Андрей устроил сам себе праздник: начал угощать Жанну всеми сортами самого экзотического мороженого, которое только имелось в меню. Плюс бутылочку легкого шампанского и кофе. Глаза у Жанны стали такими огромными, что, казалось, заняли чуть ли не пол-лица, а нескрываемый восторг вообще был неопишем.

Андрей не учел только одного: спиртное Жанна попробовала впервые в жизни. Шампанское – штука коварная, иной раз и со взрослыми, многоопытными людьми выкидывает самые невероятные штуки. Сначала пьется, как безобидная шипучка-газировка, а потом...

А потом Жанна обнаружила, что самое правильное в данный момент – это рассказать своему новому знакомому о том, как она тайком вздыхала по нему все эти два года. Да что она – все девчонки на ее курсе млеют, едва завидят его роскошную темную шевелюру и яркосиние глаза. А ей вот так повезло, да еще мороженое, вкуснее которого она ничего в жизни не ела. И так по-взрослому они выпили на брудершафт... Сказка!

– Понимаешь, Андрей, я вообще-то очень люблю лепить из пластилина. Я с детства обожаю лепить из пластилина, всегда копила на него деньги, которые мама давала на школьные завтраки... Мама у меня классная, никогда не нудит, только беспокоится за меня. А что со мной может случиться? Я уже взрослая, все сама прекрасно понимаю. Правда?

– Конечно, – с улыбкой ответил Андрей. – Ты уже совсем большая девочка. Почти совершеннолетняя.

– Через три месяца восемнадцать исполнится... Класс! А то я младше почти всех девчонок на курсе, хотя почти все – одного года рождения. У них, правда, шмотки классом повыше, но мне эти тряпки – абсолютно бим-бом. Веришь?

– Верю.

– Нет, серьезно. Вот выучусь, буду много зарабатывать, куплю маме дубленку. А то она мерзнет очень в своем пальто синтетическом. Мы – бедные, а сейчас стыдно быть бедными, правда?

– Кто тебе сказал такую глупость?

– Я сама вижу...

– Что ты видишь?

– Как смотрят на меня и на других, ну, которые...

– Глупости, малыш! Нормальные люди смотрят на лицо, в крайнем случае, на фигуру, а вообще-то в человеке главное – интеллект, душа. Вот ты, например, очень хорошенькая...

– Правда?

– Конечно, правда. Ты на маму похожа?

Жанна энергично затрясла головой:

– Нет! Мама у меня красивая: такая блондинка с серыми глазами. Только она очень устает на работе. И плачет часто.

– А... папа?

– А я его не помню. Да и мама официально не замужем. Хотя еще совсем молодая, ей сорока нет.

– Почему же она снова не вышла замуж?

– Из-за меня, наверное, – пожала плечами Жанна. – Бабушек у нас нет, а я в детстве болела много. Даже в больницу меня клали. Вот там я и научилась из пластилина лепить... Ой!

Увлечшись, Жанна излишне резким движением руки смахнула на себя почти половину вазочки со сложным малиново-шоколадным сооружением, которое тут же оказалось у нее на джинсах и футболке. Она стала было вытирать бумажными салфетками, но руки ее не слушались, да и пятна становились только больше и грязнее. Только тут Андрей понял, какую совершил ошибку, напоив этого ребенка шампанским.

– Так, – безапелляционным тоном сказал он. – Сейчас поедem ко мне, переоденем тебя во что-нибудь сухое. В таком виде тебе домой нельзя.

– А жена не заругается? – совсем по-детски спросила Жанна.

– Я не женат. А мама сейчас отдыхает в санатории, так что дома только Аля, а она у нас девушка с пониманием.

– Аля – это твоя сестра? – все еще пыталась прояснить обстановку Жанна.

– Домработница, – сухо ответил Андрей. – Пусть тебя это не волнует. Сейчас я попрошу вызвать такси, и через десять минут будем дома.

Он, конечно, погорячился. Дома они оказались не через десять минут, а почти через полчаса, за которые Жанну окончательно развезло, она то хихикала, то всхлипывала, и ничего путного, в том числе и своего собственного адреса, сказать была не в состоянии.

Андрей любил пьяных женщин ничуть не больше, чем все остальные нормальные мужчины. Но в данном случае он, во-первых, чувствовал собственную вину (кто же знал, что в наше время еще сохранились девицы, почти до восемнадцати лет не пробовавшие спиртных напитков), а во-вторых, было бы слишком жестоко сдавать девчонку в таком виде на руки матери. Тем более что в разгар рабочего дня ее вполне могло не быть дома.

К себе в квартиру Андрей внес Жанну уже почти на руках: ноги категорически отказывались ее слушаться. Аля, то есть Алевтина, работавшая у Лодзиевских чуть ли не всю жизнь, восприняла неожиданную гостью хоть и без восторга, но с пониманием. Первым делом, отправила Андрея восвояси, содрала с Жанны испачканную одежду и засунула в стиральную машину, а саму «пострадавшую» постаралась кое-как протрезвить.

Конечно, Жанну, наконец, вырвало – и немудрено, после стольких порций мороженого практически на голодный желудок, да еще с шампанским. После чего Алевтина тщательно отмыла замурзанную мордашку, заодно вымыла и длинные черные волосы, завернула гостью в старый халат Ады Николаевны и отволокла в гостевую спальню, предварительно скормив пару таблеток аспирина. А потом постучалась в комнату к Андрею:

– Ну, и как это прикажешь понимать? – поинтересовалась она у своего любимца, проделки которого она давно привыкла прикрывать от строго материнского ока. – Это кого ты привел? То есть принес?

– Аля, поверишь, сам не знаю, – рассмеялся Андрей. – Знаю, конечно, как ее зовут, знаю ее фамилию и то, что она учится на первом курсе архитектурного. Мама у нее молодая и красивая, а она сама влюблена в меня давно и по уши. Вместе со всем своим курсом.

– Где же она так назююкалась?

– Не она назююкалась, а я, дурак, напоил ее. Бокала шампанского хватило бы за глаза, но я налил ей второй, который она тоже радостно выпила. В результате мы имеем то, что имеем. Девочка впервые в жизни попробовала спиртное.

– Ну да? – усомнилась Алевтина. – Хотя если с двух бокалов шампанского... может, так оно и есть. А ты о чем думал?

– О том, что у нее очень красивые глаза.

– Интересная мысль, – хмыкнула Алевтина. – Хорошо, что их сиятельства отсутствуют. А то у кого-то тоже были бы глаза по плоске.

За глаза Алевтина хозяйку только так и называла, даже в разговоре с Андреем. И то сказать, Ада Николаевна уже так достала всех в доме своими великосветскими замашками, что когда она отбывала в очередной санаторий или на отдых за границу, облегчение испытывали все. Кроме гостей, которым не хватало блистательной Ады на еженедельных приемах, которые, стиснув зубы, устраивал Андрей. Мать ни за что не простила бы ему малейшего отступления от традиций.

– Ну-у, если бы Ада была дома... – протянул Андрей.

– И что бы ты делал?

– Понятия не имею. Наверное, отвез бы к кому-нибудь из приятелей.

– И опозорил бы девчущку, – подвела итог Алевтина. – Ладно, все к лучшему. Их сиятельство прибудут только через две недели, так что гуляй, мышь, пока кошки нету.

– Кто тебе сказал, что Жанна здесь пробудет две недели? – изумился Андрей. – Пропитается, попьет кофе, и я провожу ее домой.

– Ну-ну, – скептически сказала Алевтина и ушла по своим делам.

Жанна проспала до глубокого вечера. Уже и одежда ее была выстирана и даже отутюжена, и не только кофе Алевтина приготовила, но и ужин состряпала, а девочка все спала. Пару раз Андрей тихонечко заходил в гостевую, намереваясь неожиданную гостью разбудить и реализовать свои благие намерения, но... Но что-то мешало ему нарушить безмятежный сон смуглянки с длинными ресницами, которая во не казалась вообще ребенком.

А когда она, наконец, проснулась и робко вышла в кухню, изрядно поплутав по огромной квартире, то даже у Алевтины дрогнуло сердце. Жанна выглядела такой смущенной и буквально раздавленной произошедшими событиями, что спешно вызванному из его комнаты Андрею пришлось приложить немало усилий, чтобы хоть чуть-чуть ее развеселить. Наконец, он предложил ей посмотреть по видеку новейшую комедию, за которой гонялась вся Москва.

– С удовольствием! – оживилась Жанна. – Наши девчонки только о ней и говорят.

– А мама твоя с ума не сойдет от беспокойства? – поинтересовался Андрей.

– А она сегодня в ночную смену, – последовал безмятежный ответ. – Все равно дома никого нет.

– Поешьте сначала, – проворчала Алевтина, появившаяся словно из ниоткуда. – Куда это годится – за весь день одно мороженое, да и то...

Отказаться от ужина, приготовленного Алевтиной, мог только сумасшедший. Уже совсем пришедшая в себя Жанна ела с огромным аппетитом вечно голодного подростка, чем несказанно расположила к себе домоправительницу, наотрез отказалась даже от слабенькой домашней наливки, чем заработала дополнительное очко в свою пользу и, наконец, вызвалась помочь помыть посуду.

Конечно, мыть посуду ей никто не позволил, но по глазам Алевтины Андрей видел, что она очень довольна неожиданной гостьей. Пожилая, мудрая женщина все поняла правильно,

и с легкой душой отправила «молодежь» смотреть нашумевший фильм. Ей и в голову не пришло, что ее любимец и баловень может настолько увлечься этим «подкидышем», что события приобретут совершенно неожиданный для всех оборот.

Просмотр легкой эротической комедии положений закончился тем, чем и должен был закончиться, поскольку уже во время фильма парочка начала целоваться, а когда по экрану побежали финальные титры, остановиться Андрей уже не мог. И все произошло вроде бы совершенно естественно и для него (увы!) привычно, за одним-единственным исключением: у Жанны он оказался первым мужчиной.

Собственно, это можно было предположить, но... Даже самым умным людям свойственно делать глупости. Не зря одним из любимых анекдотов Ады Николаевны был такой: маленький мальчик рассматривает свое «богатство» и спрашивает у мамы: – Мамочка, это мои мозги? – Пока еще нет, сынок, – отвечает та. А Андрей уже давно был не маленьким, да и Жанна ему с каждой минутой нравилась все больше и больше. В общем, случилось то, что случилось.

– Ты сердишься на меня, малыш? – спросил ее Андрей, слегка отойдя от потрясения.

Жанна покачала головой:

– Я тебя люблю.

– Но мы только сегодня познакомились!

– А что это меняет? Я уже второй год...

– Радость моя! Но я-то...

– Тебе со мной плохо? – наивно спросила Жанна. – Я бестолковая, да? Ничего не умею...

– Ты просто маленькая дурочка, – обнял ее Андрей.

И совершенно неожиданно для самого себя сказал:

– Я тебя тоже люблю. И ты будешь моей женой. Очень скоро.

– Ты... шутишь?

– Ни капельки. Я бы на тебе завтра женился, но матушка мне этого никогда в жизни не простит. Нужно, чтобы я тебя начала представил ей, как невесту.

– А если она будет против? – совершенно по-детски спросила Жанна.

– Это уже ее трудности, – беспечно отозвался Андрей, закрывая рот Жанне страстным поцелуем.

Внутренне он, правда, не был так уж олимпийски спокоен. Не родилась еще та женщина, которая могла бы понравиться Аде Николаевне в качестве невестки. И никогда в жизни он не женится на одной из тех великосветских, безупречно воспитанных девиц, с которыми его периодически знакомят. С такой супругой через три дня от скуки на стенку полезешь. Не то, что Жанна...

Алевтина говорила когда-то, что отец женился на маме чуть ли не на третий день после знакомства. Правда, тогда было проще, да и статус у папеньки был такой, что никакие очереди, тем более – в загс, для него не существовали. Равно, кстати, как и самих загсов. Зарегистрировали брак дома, чтобы не создавать лишнего ажиотажа.

Вот бы ему так: утром вызвать на дом регистраторшу из загса – и через час стать законным супругом самой лучшей девушки на свете. Наверное, это у них семейное: любовь с первого взгляда. Жанна немного похожа на Аду Николаевну: тот же тип жгучей брюнетки с темными глазами. Только Ада вся из себя такая царственная, а Жанна – просто милый ребенок. Но может быть, и мама до замужества...

Он увидел, что Жанна заснула, тихонечко высвободился из ее объятий и отправился на кухню. Пить хотелось как после пересечения Сахары. Уже рассвело, но время было еще раннее, и он удивился, застав там Алевтину: обычно она на свой боевой пост заступала не раньше девяти часов, поскольку никто в доме раньше и не просыпался. А тут – сидела возле огромного кухонного стола и раскладывала старые, засаленные карты.

– Ты что делаешь? – осведомился Андрей.
– Не видишь – гадаю, – невозмутимо ответила Алевтина.
– А мы с Жанной решили пожениться, – жизнерадостно оповестил ее Андрей.
– Их сиятельство взбесятся, – все так же невозмутимо отреагировала домоправительница.

– Перебесится. А что это за расклад такой у тебя? На кого гадаешь?
– На тебя, соколик, – усмехнулась Алевтина. – На тебя и на суженную твою.
– И что?
– А ничего хорошего. Не быть вам вместе... сейчас. Потом будете... может быть.
– Темнишь ты что-то.
– Ничего я не темню. Гадание-то я у твоей матушки подсмотрела, хотя она один раз только его и разложила. А потом отдала мне и говорит: «Выкинь, Алевтина, куда-нибудь подальше. Только из дома не уноси».

– Что – карты?
– Да не то, чтобы карты...

Алевтина, как фокусница, извлекла откуда-то полированный металлический поднос с прикрепленными к нему картами. Все это было покрыто лаком и вообще очень напоминало по стилю творения Ады Николаевны.

– Сделала она это, говорит, по рисунку в одной старинной книге. Это называется «расклад польского короля». Какой-то там король в Польше в тюрьме сидел и от тоски картишками забавлялся. Вот и придумал... гадание. Потому и говорю, что вряд ли у вас с Жанной что-нибудь получится пока...

– Пока что?

– Пока твоя мать жива! – выпалила Алевтина. – Она себе в башку вбила, что умрет, если у тебя дети будут. Умалишотка, честное слово.

– Ну, с детьми можно и не торопиться, Жанне еще институт заканчивать. Ладно, посмотрим. Пусть познакомятся, принимают, так сказать, друг к другу. Не склеится – будем жить врозь, только и всего.

– Втрескался? – участливо поинтересовалась Алевтина. – Как твой папенька, с первого раза? Учти, их сиятельство очень невинностью будущей снохи заинтересуется. Сама-то нетро-нутая замуж выходила.

– Я у Жанны первый, – слегка покраснел Андрей.

– Уже успел! – ахнула Алевтина. – Точно, весь в папеньку. Ладно, бог не выдаст, свинья не съест. Пусть переезжает сюда, я ее кое-чему поучу, чтобы не сразу...

– Что – не сразу?

Алевтина будто бы не слыша, сгребла со стола карты, прихватила поднос и ушла к себе в комнату. А вечером Андрей перевез Жанну с ее нехитрыми пожитками к себе, даже не успев познакомиться с будущей тещей: та опять была в ночной смене...

Восемь лет прошло... И вот Жанна снова в его постели, как будто и не покидала ее с утра их помолвки. Как будто не совершила за это время непоправимую глупость, почти преступление...

Но Господи, как же он все еще ее любит, оказывается. Значит, так и не разлюбил.

Глава четвертая. Неприручаемая

Просыпаться не хотелось отчаянно. Она боялась, что все это опять окажется только сном – ее встреча с Андреем, их страстное примирение, тихое утро, когда она спит, а он смотрит на нее и думает... О чем он думает?

Скорее всего, о том, что никуда строптивая девчонка не делась: помыкалась-помыкалась в институте, возможно, даже на вечернем отделении, поменяла пару тройку богатеньких любовников, и один из них привел ее на парадный прием «к самому Лодзиевскому». Тем более что Ады Николаевны вот уже год, оказывается, нет в живых.

Если бы только Жанна знала об этом! Она сумела бы обставить встречу с Андреем совсем по-другому. Да, собственно говоря, она и планировала ее, как встречу двух старинных знакомых, почти деловую встречу с легким налетом романтизма от общих воспоминаний. Но грозной Ады уже нет, а противостоять обаянию Андрея она, разумеется, не смогла.

Или – не захотела?

Тогда-то она была влюблена в него, как кошка, даже как сто кошек. Отдать ему невинность было для нее не подвигом, не хорошо рассчитанным поступком и даже не жертвой, а естественным желанием слиться со своим кумиром в единое целое. Она и подумать не могла о том, что на следующее утро пойдет разговор о свадьбе. Какая свадьба? Кто он и кто она? Таких сказок в жизни не бывает, просто потому, что это все-таки сказка.

По-видимому, Андрей действительно влюбился в нее по уши. Будь ей уже восемнадцать, они бы в то же утро пошли подавать заявление. Но дня рождения ждать нужно было еще три месяца. Или получить у мамы письменное согласие на брак. А она, конечно, немедленно схватится за сердце: как можно выходить замуж на следующий день после знакомства?! Не говоря уже о том, что ложиться в постель через несколько часов после того... н-да. Мама точно не переживет подобного легкомыслия, не так она единственную дочку воспитывала.

Единственным светлым пятном в новом доме Жанны была Алевтина – то ли домработница, то ли андрюшина няня, то ли домоправительница. Она девчонку, кажется, жалела, и всячески подготавливала к встрече с будущей свекровью, возвращения которой из санатория Жанна боялась просто панически.

– Да не съест она тебя, – смеялся Андрей. – Ну, напустит на себя ледяной вид, помолчит для приличия с недельку, а потом все наладится, вот увидишь. Она еще будет тебя на свадьбу одевать, уверен. В принципе, она добрая, только зашнуровала сама себя в какой-то воображаемый корсет. Аристократка...

– Она дворянка? – робко спросила Жанна.

– Поднимай выше. Она – Лодзиевская! Все остальные аристократы недостойны даже рядом с ней стоять. Правда, это она после папиной смерти чудить начала, при нем вела себя очень тихо. Ну, да у папеньки не забалуешь. Любил он ее – да, безмерно, но порядок в доме установил железный: раз и навсегда. Завтрак в столовой с крахмальными салфетками, ужин – при свечах. И никаких шлепанцев и халатов, он их на дух не переносил. Кроме парадного, конечно: шелковый, с простроченными лацканами, с витым поясом. Смотрела фильм «Монте-Кристо» с Жаном Маре? Точь-в-точь такой.

Жанна только головой кивала. Фильм она не смотрела, знаменитый роман Дюма прочитать как-то не успела, у ее поколения были другие интересы и другие кумиры, а у нее, ко всему прочему – страсть к рисованию и лепке, и вообще ко всяким рукоделиям. За пару часов она могла из нескольких никчемных тряпок сшить пару красивых прихваток для кухни в комплекте с фартуком, а за пару дней – модное платье для Алевтины, которая и сама неплохо шила, но за Жанной угнаться не могла.

Те две недели промчались, как волшебный сон. Андрей все-таки познакомился с ее матерью, быстренько очаровал и ее, убедив, что они с Жанной поженятся сразу после ее совершеннолетия, да и сейчас фактически – муж и жена, так что все прекрасно. Без конца покупал Жанне какие-то подарки: модные джинсы, курточки, колечки, водил по ресторанам, показал свое святая святых – мастерскую.

– Сейчас у меня очень кстати небольшое затишье в делах, – сказал он Жанне. – Но учти, иногда я неделями домой прихожу только сорочку сменить. Если заказ интересный, а клиент дает полную свободу действий... Но пока я весь твой, нам просто здорово повезло в этой жизни.

На следующий же день везение кончилось. Андрею позвонили с утра пораньше – и он умчался на встречу с заказчиком. Жанна же оказалась предоставленной сама себе – и очень кстати. У нее из головы вылетело, что вот-вот начнется летняя сессия, и нужно готовиться к нескольким экзаменам: в том числе, и по не слишком любимым ею предметам.

Она напрасно волновалась. Добрые вести, как и злые, не лежат на месте, и о том, что неприметная первокурсница стала возлюбленной самого Андрея Андреевича Лодзиевского, очень скоро знал весь институт. В близкую свадьбу не очень-то верили, но любовница или невеста – принципиальной разницы никто не видел. Преподаватели отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы портить отношения с влиятельным в своей области человеком из-за какой-то девчонки. Так что экзамены фактически превратились в чистую формальность.

Это было приятно, конечно. Но у каждой медали имеется обратная сторона. В подругах вдруг проступило самое плохое, а некоторые просто прекратили все отношения без каких бы то ни было объяснений. Еще хуже были те, которые теперь стали называть ее Жанночкой, сюсюкать и подлизываться. Сильная половина курса пялилась во все глаза, но втихомолку. Общее мнение было: и надо же как повезло такой серенькой мышке!

Что было, конечно, сильным преувеличением.

Серенькой мышкой Жанна не была и до встречи с Андреем. Просто любая женщина знает, что хорошие волосы, вымытые дорогим шампунем, становятся роскошными, а модная маечка, тщательно подобранная по цвету, украшает свою владелицу, в отличие от растянутой и полинявшей футболки. Да и превращение Жанны из девчонки сразу в молодую женщину ее, естественно, не испортило, а только украсило. Гадкий утенок, который на самом деле никогда гадким и не был, за несколько дней превратился в прекрасного черного лебедя.

Такие вещи женским коллективом обычно не прощаются. Тем более что новую Жанну нельзя было опекать, дарить ей початую помаду и надоевшую сумку, а также небрежно платить за ее чашку кофе в студенческой столовой. Такой Жанной можно было только любоваться (что, собственно, и делали мало знакомые с ней люди, не говоря уже об Андрее и Алевтине), а подруги, даже близкие, к любованию бывшей Золушкой обычно как-то не очень склонны.

Немного поддерживала Алевтина, но было видно, что она не совсем уверена в конечном результате этой авантюры. Да и по части хороших манер она вряд ли могла быть особенно полезна: у нее самой была многолетняя повадка отлично вышколенной прислуги. На свою беду, Жанна кое-что из этого переняла, и потом, конечно, раскаялась, но было уже поздно.

Хотя комната Андрея была в полном ее распоряжении, уютно себя Жанна не чувствовала. Эти хоромы не были ее домом, а милые пустячки странно смотрелись в интерьере рафинированной холостяцкой спальни. Если бы Жанна осмелилась, она бы сменила темно серые плотные гардины на прозрачный тюль, благо напротив никаких строений с окнами не было, а солнце появлялось в комнате только на закате.

Вместо тусклого старинного ковра ручной работы положила бы ковровое покрытие более веселого тона, например, бежево-золотистое, а широкую тахту украсила бы не классическим шотландским пледом, а гладким, тоже золотистым или бежевым – и беспорядочно разбросала бы по этому полю множество разноцветных подушек.

Она хотела было вытащить из кладовки старинный туалетный столик розового дерева со слегка потускневшим зеркалом в серебряной оправе, и даже подбила на эту авантюру Алевтину, но ей самой мгновенно стало понятно: изысканная принадлежность дамского будуара «не срастается». Это чудо бы – в небольшую комнатку с обоями под шелк, с креслицами и пуфиками, тоже обитыми шелком, с пушистым ковром светлых тонов...

Но такой комнаты в огромной квартире не было. Был строго-мужской кабинет покойного Андрея Анатольевича со старинной мебелью красного дерева и необъятным письменным столом, крытым зеленым сукном. Была спальня Ады Николаевны, выдержанная в перламутрово-матовых тонах и отличавшаяся той простотой, для создания которой требовались немалые деньги и хороший вкус.

Очень простой паркет из темного ореха роскошно контрастировал с китайским ковром в розовато-лиловых, кремовых и сапфировых тонах. Все остальное – стены, занавески из натурального шелка, атласное покрывало на кровати орехового дерева – были разного оттенка перламутра.

Настоящий камин был отделан серым мрамором, а старинное «вольтеровское» кресло перед ним обито рытым темно-серым бархатом. Ночником служила искусно стилизованная большая раковина, которая светилась мягким, рассеянным полусветом, а туалетный столик поражал своей спартанской строгостью: серебряные щетки для волос, маникюрный набор и флакон духов. Ничего лишнего, ничего вульгарного.

Но... Это могла бы быть спальня Снежной Королевы или Ледяной Девы. Яркий ковер на полу спасал положение лишь частично, как и сидевшая в небольшом кресле возле окна кукла. Яркая брюнетка в изумрудном платье эпохи Наполеона, с золотым шарфиком и в золотых туфельках-котурнах на миниатюрных ножках. Ручки по локоть затянутые в крохотные перчатки из настоящей лайки. А фарфоровое личико – смуглое, с матовым, чуть заметным румянцем, освещали необыкновенной красоты зеленые глаза: точно два изумруда в оторочке длинных ресниц.

– Какая красавица! – ахнула Жанна, увидев это произведение искусства в первый раз. – Просто маленькая дама.

– Этой маленькой даме, – ворчливо заметила следовавшая за ней по пятам Алевтина, – лет двести, а то и с хвостиком. Старина необычайная. Ада Николаевна держит ее за семейный талисман и бережет, пуще глаза. Упаси Бог кого к ней притронуться.

– Это – кукла ее бабушки?

– Это – кукла прабабушки Андрея Андреевича, – фыркнула Алевтина. – Их сиятельство собственную родословную так в мужнее происхождение закопали, что сами забыть изволили, кто есть кто. Впрочем, сама увидишь, скоро пожалует. Пошли пока отсюда, от греха-то подальше.

– А за той дверью что? – поинтересовалась Жанна, указывая в противоположный от входной двери угол.

– Туда нельзя. Там – мастерская Ады Николаевны, даже меня не допускает, а ключ всегда с собой возит. Уж что там за тайны – не знаю, врать не буду, но хранит она их... Может, конечно, Андрей знает, но и то – вряд ли. Вот тут, за стеной – ее туалетная комната, дверь потайная, со стеной сливается. Так туда можно войти совершенно спокойно, только без хозяйки. Там я уборку делаю, горничную не допускают.

– Эскуриал какой-то, – пробормотала Жанна. – Видели бы вы, как мы с мамой живем...

– Догадываюсь, – усмехнулась Алевтина. – Как все нормальные люди в однокомнатной квартире. Мама на кушетке, тебе кресло раскладывают. Правильно?

– Откуда вы знаете? – растерялась Жанна.

– Андрей рассказал, откуда же еще? Он-то таких квартир, как у тебя, давненько не видел... Ну все, пошли отсюда, не люблю я тут долго находиться. Мне еще нужно серебро

достать, распорядиться, чтобы вычистили. Да хрусталь перемыть и перетереть. Через два дня мадам возвращается, а через три – очередной прием. Крутись тут, как хочешь, главное, чтобы ее драгоценные традиции соблюдались.

Андрей же, казалось, напрочь забыл о том, что от приезда его мамочки очень многое зависит. Он приходил из мастерской серый от усталости, наскоро проглатывал ужин и падал в постель. Жанна не обижалась: работа есть работа, к тому же он ее предупреждал. Но чем ближе был «День X», тем страшнее ей становилось, внутри все дрожало противной, мелкой дрожью.

Последний экзамен она сдала буквально в полубреду и, вместо того, чтобы отправиться домой, поехала к Андрею в мастерскую. Там ей сообщили, что маэстро отбыл встречать свою матушку в аэропорт уже часа два тому назад, и сейчас они либо уже дома, либо по дороге к нему. Жанна посидела в уличном кафе, выпила три или четыре чашки кофе, даже купила пачку сигарет и весьма неумело закурила.

Но она прекрасно понимала, что тянуть время до бесконечности нельзя: экзамен рано или поздно должен закончиться и Андрей ждет ее дома. Туда она и побрела, еле переставляя ноги и стараясь не думать о том, что произойдет в самом ближайшем будущем.

Своих ключей у нее пока еще не было: дверь ей открыла Алевтина. Жанна сразу заметила в прихожей два элегантных чемодана светлой кожи и большую черную шляпу с широкими полями на подзеркальнике. Да и выражение лица Алевтины было достаточно красноречивым. В это время в прихожую вышел Андрей.

– Как экзамен? – спросил он, целуя ее.

– Нормально, – вымученно улыбнулась она. – Теперь я второкурсница.

– Замечательно! Ты поешь пока что-нибудь, мама отдыхает после дороги. Познакомьтесь за ужином.

Жанну точно холодной водой окатили.

– Но я думала...

– Мама никогда не меняет своих привычек. Но я о тебе еще не рассказывал, хочу сделать ей сюрприз по полной программе.

– Ты уверен?...

– Абсолютно! Не трусь, малыш, она детей не ест. Просто будь сама собой, вот и все. Она же прекрасно понимает, что рано или поздно я бы женился, даже сама меня пыталась знакомить. Но я ждал тебя...

Эти слова действовали на Жанну совершенно волшебным образом. Действительно, всем женщинам рано или поздно приходится встречаться с будущей свекровью. И если ей выпало на долю стать невесткой знаменитой Ады Николаевны Лодзиевской, то надо благодарить судьбу, а не трястись от страха.

Жанна совершенно не представляла себе, с кем ее на самом деле свела судьба.

Ужин был накрыт в столовой. Когда Андрей с Жанной вошли туда, Жанна на секунду даже зажмурилась от нестерпимого блеска серебра и хрусталя, освещаемых двумя большими канделябрами с настоящими свечами. За столом, на месте хозяйки сидела молодая черноволосая женщина с гладко причесанной головой, пронзительными темными глазами и великолепным цветом лица. Одета она была в черное бархатное платье, как потом узнала Жанна – парадно-домашнее.

– Мама, – сказал Андрей, – познакомься, пожалуйста. Это моя невеста, то есть фактически уже жена. Ее зовут Жанна.

Женщина не шелохнулась, только пристально рассматривала Жанну, медленно переводя глаза с распущенных по плечам черных волос до джинсов и сандалет на босу ногу. Особой приязни в ее взгляде Жанна не ощутила и поняла, что сделала большую ошибку, когда послушалась совета Андрея и осталась «сама собой».

– Здравствуйте... Ада Николаевна, – пролепетала она, совершенно загипнотизированная этим немигающим взглядом.

Женщина чуть наклонила голову, но осмотр не прекратила, и лишь спустя целую вечность, как показалось Жанне, разжала полные, яркие губы и сказала, обращаясь к Андрею:

– И как это понимать, друг мой?

Голос был холоден и негромок, но в нем отчетливо позвякивали льдинки.

– Я же сказал, мама. Это – Жанна, моя невеста. Когда ей исполнится восемнадцать, мы зарегистрируемся.

Жанна машинально отметила, что слов «фактическая жена» он уже не произносил.

– И она живет в моем доме?

– В нашем, с твоего позволения, – начал было заводится Андрей, но его тут же осадили, причем довольно резко.

Хотя ни тембр, ни интонации негромкого голоса не изменились.

– Вот именно, с моего позволения. Что-то я не припомню, чтобы позволяла тебе приводить в наш дом уличных девиц.

– Мама!!!

– Девушка, которая соглашается жить с мужчиной до брака... Или я ошибаюсь, у вас чисто платонические отношения? Тогда я готова извиниться...

– Ты не ошиблась, мама. Но я прошу тебя всего лишь познакомиться с моей невестой. Я выбрал ее, я ее люблю, остальное неважно.

– Сколько времени вы знакомы?

– Через сколько дней после знакомства ты вышла за папу?

– Тогда были другие времена, – поднимаясь из-за стола, произнесла Ада Николаевна. – Или сейчас – другие. Хорошо, оставим это. Меня зовут Ада... Аделаида Николаевна, милочка.

– Я Жанна, – пролепетала та, робко прикасаясь к протянутой ей холодной руке. – Очень приятно.

– Садитесь. Не будем ломать традиции, принятые в этом доме. Андрей, приступай к своим обязанностям. Говорить можно и за трапезой.

Ада Николаевна снова уселась на свое место, а Андрей нажал кнопку звонка и коротко приказал появившейся горничной:

– Начинайте подавать.

Этот ужин Жанна впоследствии вспоминала, как кошмарный сон. Говорила почти исключительно Ада Николаевна, рассказывала о том, как провела месяц на знаменитом курорте Спа. Вскользь упоминала имена знаменитостей, с которыми там общалась, мимоходом сообщала о некоторых покупках. Но Жанна все время чувствовала на себе пристальный взгляд, отчего то и дело роняла то вилку, то нож, то делала какой-то промах в застольном этикете. В общем, экзамен на хорошее воспитание она, судя по всему, провалила.

А когда встали из-за стола и перешли к камину, начался второй экзамен: на происхождение. Это оказалось еще тягостнее, чем застольные конфузы.

– Чем занимаются ваши родители, милочка? – осведомилась Ада Николаевна.

– Мама работает в гостинице. Дежурной...

Брови ее собеседницы изумленно приподнялись.

– А отец?

– Я не знаю... – пролепетала Жанна.

– Ваши родители в разводе?

– Я не помню своего отца. Никогда его не видела.

– Он так рано умер?

Только изошренный слух Андрея мог подметить в этой реплике ядовитый сарказм.

– Ты ведь тоже не помнишь своего отца, мама, – попытался он вмешаться.

– Мой отец пропал без вести, – отчеканила та.

Понимай – на фронте. При том, что выглядит она ничуть не старше собственного сына, фраза довольно двусмысленная. А если знать, сколько ей лет на самом деле, – какой фронт? Но задавать уточняющие вопросы при этом мог только бестактный хам, а таких в доме не водилось и таких не принимали.

– Мои родители не были женаты, – тихо сказала Жанна.

– Понятно, – милостиво кивнула Ада Николаевна. – В последнее время это модно, любовь без брака. Жаль только, что дети страдают.

– Мама, ты...

– Я только хотела выразить надежду, что вы не будете торопиться с детьми. Жанне для начала бы надо получить образование...

– Жанна перешла на второй курс института! Архитектурного, между прочим.

В глазах Ады Николаевны на мгновение мелькнула искорка неподдельного интереса. Жанна поняла, что это пока – единственный ее плюс в глазах будущей свекрови. Даже не плюс, а намек на кро-о-хотный плюсики. Что ж, лиха беда начало.

– Надеюсь, ты не ее преподаватель? – поинтересовалась она.

– Я читал на их курсе несколько лекций всему потоку.

– А где вы познакомились?

– В институте, – пожал плечами Андрей. – Ты не заметила, что внешне Жанна очень на тебя похожа?

– Что-о?

Изо льда, содержащегося в этом коротеньком вопросе, можно было бы сделать хоккейное поле с двойным покрытием.

Жанна поняла: одной этой фразой Андрей испортил все, что, казалось, только-только начинало достигаться. Чтобы ее, Аделаиду Николаевну Лодзиевскую, признанную, голубых кровей, красавицу московского бомонда сравнили с какой-то безродной девчонкой? Да это уже вообще ни в какие ворота не лезет!

– Я хотел сказать, что мне всегда нравились смуглые брюнетки с темными глазами, – поторопился исправить свою оплошность Андрей. – И ничего больше.

– Ах, ну, если в этом смысле...

Ада Николаевна была слишком светской дамой, чтобы устраивать крупные разборки полетов в первый же вечер.

Расстались мирно, правда, потом Жанна долго рыдала на плече у Андрея и причитала, что не понравилась его матери, что она ни за что не позволит им пожениться и вообще ей страшно. Андрей ее точку зрения разделял лишь частично.

– Конечно, она с большими странностями, – тихонько говорил он, поглаживая Жанну по плечам и спутанным волосам, – но постарайся ее понять. Давно овдовела, единственный сын, никаких любовников...

– Ты уверен? – на секунду перестала всхлипывать Жанна.

– Не только я. Мама в этом плане безупречна. И вдруг мы с тобой, как снег на голову: здравствуй, мамочка, мы женимся! Она, естественно нервничает...

Жанна покачала головой с огромным сомнением. Меньше всего Ада Николаевна производила впечатление нервной особы, скорее, поражала безупречной, почти ледяной выдержкой. И еще производила впечатление женщины, абсолютно не способной на любовь: ни материнскую, ни какую-нибудь еще.

– Она меня возненавидела, – снова зарыдала Жанна.

– Не преувеличивай. И потом не в характере мамы нежничать и сюсюкать. Я бы крайне удивился, если бы она бросилась тебе на шею с воплем: «Доченька! Наконец-то!». И внуков нянчить она никогда не мечтала. Не созрела еще до этого возраста.

– А сколько ей лет на самом деле? – спросила Жанна.

– Только тебе скажу: ровно на девятнадцать больше, чем мне.

– Ей что – сорок семь?!?

– Ну да. Только не болтай об этом на каждом углу, хотя, в принципе, сложить два числа и получить нужную сумму не так уж и сложно.

– Но она выглядит не старше тебя!

– А это ее хобби: быть вечно молодой и прекрасной. Вот и поучись у нее, поспрашивай рецептики всякие, подлижись немного. Она любит рассуждать о том, что нужно по утрам обтираться льдом с ног до головы, и тому подобное.

– Льдом? – с ужасом переспросила Жанна. – Да я бы умерла в первую же секунду.

– Как видишь, от этого не умирают. Ну, у нее еще диета какая-то, точно не знаю, мы с ней об этом мало разговариваем.

– К внукам она точно не готова, – мрачно сказала Жанна. – И никогда не будет готова, если не произойдет какое-нибудь чудо.

Она, наконец, заснула, а Андрей тихонько вышел и отправился в свой кабинет. Ему позарез нужно было выпить чего-нибудь покрепче, чтобы согреться после «теплого» приема мамы.

Он зажег настольную лампу, достал из мини-бара в стенке бутылку кем-то подаренного бренди, налил себе большую рюмку и... поперхнулся первым же глотком. С дивана, стоявшего в дальнем конце комнаты, раздался негромкий голос:

– Ты уже выпиваешь в одиночку? Поздравляю.

Матушка в каком-то немыслимо-элегантном шелковом халате графитово-черного цвета с серебряными проблесками, сидела очень прямо, положив ногу на ногу, и рассматривала Андрея с каким-то удивлением, точно совершенно незнакомого человека.

– Я так и думала, что ты сюда придешь, – продолжила она, не обращая внимания на реакцию сына. – Все-таки мы очень давно знакомы...

– Почему ты не спишь, мама? – осведомился Андрей, ощущая знакомую с детства робость. – Что-нибудь не так? Болит что-то?

– У меня ничего и никогда не болит, – отрезала Ада Николаевна. – Во-первых, я поспала в самолете, а во-вторых... Ты считаешь, что все так? По-твоему, именно так должно было произойти мое знакомство с твоей будущей женой? Твой бедный отец наверняка перевернулся в гробу...

– К сожалению, не могу взять с него пример. В смысле, ему не пришлось знакомить тебя со своей матерью. Иначе я бы знал, как это делается в аристократических домах.

– Во всяком случае, не так, как это сделал ты. Твой отец сначала отвел меня в загс, а потом уже привел в свою спальню. И мы с ним познакомились не на улице. Впрочем, возможно, у твоей девушки это в обычае – так ловить кавалеров...

– Мама! Я – первый мужчина у Жанны...

– И это еще не дает никакой гарантии, что ты будешь последним и единственным. Девица, которая в первый же вечер знакомства ложиться с мужчиной в постель... Впрочем, возможно, это твой идеал – уличная потаскушка. Жаль, мы с отцом стремились привить тебе несколько иные вкусы.

– Мама, как только ей исполнится восемнадцать, мы поженимся. Мы можем даже раньше, ее мама готова дать письменное согласие...

– Что за пожар? Она беременна?

– Мама, мы знакомы две недели. О какой беременности может идти речь?! Тем более, она была девушкой, я же тебе говорил...

– Как раз девушки быстрее всего беременеют. Я понесла тебя в первые же дни после замужества.

– Вот видишь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.